Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/poviestibezumnag008800

ПОВѢСТИ

БЕЗУМНАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Февраля 26 дня, 1834 года.

Цензоръ *Николай Лазаревъ.*

ЛЮБОВЬ И ДОЛГЪ.

ПЕРВАЯ ПОВѢСТЬ БЕЗУМНАГО.

Когда двое несчастныхъ сближаются соединяя свою скорбь, свои слезы; когда рука одного съ нѣжностью жметъ руку другаго и сердце женщины отвѣчаетъ участіемъ страстному сердцу мужчины.... погибель не далеко!... Въ нежданную минуту забывчивости, голова тихо склоняется на грудь несчастнаго друга, поцѣлуй вспыхнетъ на устахъ — и годы раскаянія не возвратятъ бѣдственной ошибки.

Гофманъ.

Ils appellent les mariages d'affectation des jeux d'enfans, et ils pratiquent du coeur de leurs filles comme d'un article de commerce.

Cooper.

Ярко пылали кенкеты, разливая блестящій свѣтъ свой на раззолоченныхъ карнизахъ залы, или играя тысячью радужныхъ цвѣтовъ въ огромныхъ люстрахъ. Лаковый паркетъ какъ зеркало блестѣлъ кругами подъ золотымъ свѣтомъ разбросанныхъ по стѣнамъ канделабровъ, фарфоровыя и хрустальныя вазы, свѣтящимися

пирамидами, переливаясь безконечными цвѣтами радуги, подставляли утомленнымъ посѣтителямъ прохлажденія утонченной роскоши. Лѣниво раздавались звуки огромной музыки. Суета съ уныніемъ важно расхаживали по золоченымъ гостинымъ въ лицахъ присутствующихъ, пресыщеніе ясно вклеймено было въ ихъ лицахъ, во всѣхъ ихъ движеніяхъ.

Блестящій залъ кипѣлъ народомъ. Въ черныхъ полумаскахъ, едва прикрытые тафтяными домино, толпились гости, кочуя изъ комнаты въ другую, съ улыбкою на устахъ, съ пустотою въ душѣ; преслѣдуя, отыскивая радость,

гостью почти незнакомую подъ мраморными сводами.

Странно было видѣть смѣшеніе племенъ и одеждъ. Грозные меченосцы въ стальныхъ доспѣхахъ брани, съ высокимъ гребнемъ шлемовъ своихъ, осѣненныхъ развѣвающимися перьями, ходили объ руку съ пастухами мирныхъ долинъ Граубиндена; вѣтреная, гордая дама двора Людовика XIV на высокихъ каблукахъ, играя огромнымъ опахаломъ своимъ, слушала льстивыя рѣчи угрюмаго Грека. Монахи Францисканскіе и жители береговъ Ганга дружески разговаривали; Брамины, забывъ на мгновеніе величіе своего сана, обнимались

съ придворными Кавалерами временъ Шекспира, или преслѣдовали воздушную Пери; важный Османъ съ Китайскимъ Мандариномъ бесѣдовали о Сунитскомъ толкѣ Алія; дикая островитянка тихаго Океана нашептывала обольстительныя рѣчи мохнатой Самоѣдкѣ.

Мазурка огласила высокіе своды. Шелестъ ногъ раздался вѣстникомъ тишины и порядка. Говоръ стульевъ пробудилъ усыпленіе и дѣятельность. Толпы раздѣлились, разсѣялись.... и изъ нихъ цѣпь паръ развилась въ блестящей окружности.

Легче мысли, легче призрака сновидѣній передразсвѣтныхъ отдѣ-

лилась отъ пестрой толпы летящая чета танцующихъ, и какъ метеоръ покатилась по зеркалу паркета. Жизнь и роскошь, нѣга и упоеніе мчались по слѣдамъ ихъ, страсть кипѣла во всѣхъ ихъ движеніяхъ.

Вслѣдъ за ними выступилъ стройный Американецъ. Его оливковое чело, его обнаженныя руки и ноги; медвѣжья перевязь съ огромнымъ колчаномъ, полнымъ ядовитыхъ стрѣлъ, составляли нарядъ мужественнаго дикаря. Все говорило участіемъ въ его пользу. Стройный какъ пальма дикихъ пустынь Индіи, онъ манилъ взоры изящнымъ размѣромъ формъ;

мужество и сила проглядывали въ мышцахъ налитыхъ благородною гордостью. Быстрый взоръ его молніею сверкалъ по лицамъ присутствующихъ, но разожженный бунтующимъ пламенемъ своевольной нѣги, онъ блестѣлъ какимъ-то упоительнымъ лучемъ мечтательности, когда глаза его встрѣчались съ глазами его дамы. Огненная Испанка, осѣненная тучею полуночныхъ кудрей, она жгла сердце пылкою отравою страсти. Нѣга желаній, бурныхъ какъ вдохновеніе, слѣдила ея неровныя движенія. То быстра какъ серна пустыни, то роскошна какъ бархатъ нагорной зелени, то упоительна какъ голубое небо Анда-

лузіи, то пылка какъ огненный поцѣлуй страсти, она манила къ себѣ близкою надеждою обѣтованнаго счастія. Она приковывала взоры безумною жаждою лобзанія, она палила сердце невѣдомымъ терзаніемъ муки, или нѣжила его чарующими взорами, долгими какъ вѣчность, безбрежными какъ первобытный хаосъ творенія. Палящій зной степей Ливіи, ревнивая нѣга душевной бури жительницы Юга, вся прелесть вѣчно-голубаго неба очей дочери Сѣвера — все было чудно перемѣшано въ этомъ дивномъ созданіи.

Но такова въ безумномъ чаду бала,—не такова была въ мірѣ се-

мейственной жизни. Семнадцатая весна едва разцвѣла надъ дѣвственною душою Елены. Въ шестнадцать лѣтъ жена, жертва суетности и расчета, дѣва по чувству, она была женою только по имяни. Слово: *долгъ*, было для нее непонятнымъ звукомъ.

Другія пары смѣнили вниманіе зрителей. Прикрытые угломъ мраморнаго камина, Американецъ и Испанка заняли свое мѣсто.

— »На цвѣтущихъ берегахъ Ла-Платы, началъ первый, гдѣ цѣлыя племена и многочисленныя поколѣнія въ первобытномъ состояніи, дѣти природы, боготворятъ солнце,

тамъ впервые увидѣлъ я свѣтъ. Занесенному бурею обстоятельствъ въ край просвѣщенной Европы смутно представляется мнѣ вѣра отцевъ моихъ, смутно рисуются воображенію священные ихъ обряды, имѣющіе предметомъ источникъ жизни и свѣта. Но теперь, когда блестятъ передо мною благотворные лучи, согрѣвающіе меня жизнію, снова толпятся въ умѣ моемъ воспоминанія золотыхъ дней младенчества и цвѣтущіе берега великой рѣки и мирныя селенія наши выплываютъ въ воображеніи изъ сумерекъ прошедшаго. Изъ глазъ твоихъ, Испанка, текутъ эти живительные лучи блага. Позволь пришельцу на-

сладиться въ сообществѣ твоемъ воспоминаніемъ вѣры отцевъ, и да не оскорбится Европа жертвоприношеніемъ дикаря....

— » Американецъ! я слыхала объ вашей Америкѣ, — землѣ чудесъ и всего великаго. — Тамъ, подъ наклономъ стройныхъ пальмъ и банановъ, привыкла я думать о народахъ: первообразахъ созданія. — Удаленные отъ порчи Европы, взрощенные грубыми понятіями, дѣти природы, вы не должны были научиться лести: заразительной отравы обществъ.... «

— » Елена! чѣмъ ближе человѣкъ къ природѣ, чѣмъ менѣе зараженъ онъ язвою суетности и тщеславія,

тѣмъ сильнѣе чувствуетъ стремленіе къ дивному и прекрасному въ созданіи. Ощущенія его пламенны какъ раскаленный лучь солнца полуденнаго, ибо душа его привыкла въ объятіяхъ матери природы не слышать отказа....«

— »Рѣчи эти, этотъ голосъ не свойственны дикарю. Девятнадцатое столѣтіе слишкомъ ясно проговаривается подобнымъ образомъ. Снимите маску вашу,—и въ Американцѣ по чувству, мнѣ пріятно будетъ видѣть тоже самое и на лицѣ вашемъ. Но вмѣстѣ съ маскою, я бы просила васъ сбросить маску приличій и ничтожной свѣтской пустоты, и пред-

ставиться въ первоначальномъ вашемъ видѣ. Признаюсь откровенно: нестерпимо грустно встрѣчать людей живущихъ по извѣстнымъ только принятымъ формамъ, и наше лучшее общество, по несчастію, безъ маскерадовъ всегда полно масокъ странныхъ, смѣшныхъ, но иногда вмѣстѣ съ тѣмъ утомляющихъ и нестерпимыхъ.... «

— » Опасаясь быть первымъ и не желая быть послѣднимъ, я лучше хочу прослыть невѣждою не повинуясь вамъ, нежели лишиться права своего инкогнито.... «

— » Маска! звуки вашего голоса напоминаютъ мнѣ прошедшее,

сказала Елена въ полголоса, играя своимъ вѣеромъ.... Я повторяю мою прозьбу.... «

Долго, пристально смотрѣлъ Американецъ въ чело Еленѣ; казалось онъ хотѣлъ затвердить навсегда выраженіе этаго чела, легко подернувшагося стыдливымъ румянцемъ.... Онъ медлилъ.... Поднялъ руку.... но черезъ минуту она упала на колѣно въ безсиліи.... бѣгло брошенный взглядъ Елены живо выговорилъ ея желаніе.

Съ замѣтною не охотою онъ наконецъ повиновался. Медленно отдѣлилась маска отъ бѣлаго чела юноши, черные локоны покатились вслѣдъ за нею по его ланитамъ.

— » Леонидъ!... Мертвая блѣдность внезапно покрыла чело дѣвушки.

— » Да, Елена, это я!... Вы не ожидали меня видѣть? Даже можетъ быть это вамъ и непріятно... О! какъ жалѣю я о моей маскѣ: она доставляла мнѣ, по крайней мѣрѣ, горестную отраду пользоваться благомъ разговора...«—Леонидъ остановился; вспыхнувшій румянецъ какъ заря скатился съ чела его съ каплею ѣдкой слезы.

— » Вы несправедливы, Леонидъ, тихо, не подымая глазъ начала Елена.—Но голосъ ея дрожалъ.... Вы несправедливы—и.... слишкомъ поспѣшны въ своихъ заключені-

яхъ.... »Она умолкла, ибо не могла сказать болѣе.

— » Несправедливъ, Елена?... О какъ желалъ бы я быть несправедливымъ. — Правда, совершенная правда: я молодъ, пламя вмѣстѣ съ кровью течетъ по моимъ жиламъ. Елена! вдали отъ родины, въ шумѣ бурь свѣта и утонченной роскоши, хотѣлъ я заглушить порывы юнаго сердца, порывы первыхъ впечатлѣній, дивныхъ и благородныхъ какъ молитва. Но чуждое, хотя и роскошное небо давило меня своею прелестью, воспоминаніе первыхъ лѣтъ блаженства влекло меня на родину непостижимою силою. Я зналъ, что здѣсь не радости—одна ядовитая тоска,

одинъ неукротимый пламень желаній, недостигаемыхъ какъ вѣчность, испепелитъ развалины сердца, но—все таки я воротился сюда. Елена!... Вамъ обязанъ я этими отрадными воспоминаніями.... видѣть васъ.... и хотя терзаться, но видѣть.... О! это высочайшее благо здѣсь на землѣ!... «

— » Леонидъ! Я супруга, я мать!... Невозвратимо прошедшее!... теперь долгъ.... Вы понимаете меня!... Слухъ мой не оскорбится выраженіями неприличными настоящему моему положенію. Впрочемъ мы останемся хорошими друзьями. «

Она съ достоинствомъ посмот-

рѣла на Леонида: равнодушіе и упрекъ свѣтились въ этомъ взорѣ, но опытный наблюдатель сквозь туманъ слова: *долгъ*, замѣтилъ бы и тоску, и радость, и сердечное услажденіе....

— »Обстоятельства перемѣнились, продолжала она: мое сердце, вмѣстѣ съ рукою *должны* принадлежать другому....

— »Елена! Елена!...« шепталъ въ нѣмой горести юноша....

— »Каково окончилось ваше путешествіе? — начала она снова, желая перемѣнить разговоръ.— Вы вѣрно много имѣете расказать намъ.... По четвергамъ мы всегда дома. Надѣюсь, что вы не откаже-

те мнѣ въ удовольствіи познакомиться съ моимъ мужемъ.... Она умолкла, ибо по напряженію ея лица, по дрожащимъ звукамъ голоса видно было, чего ей стоили слова эти....

Леонидъ не отвѣчалъ. Какъ изваяніе, приковался онъ къ этимъ очамъ, когда-то блестѣвшимъ для него всѣмъ огнемъ упоительной страсти, и только изрѣдка, какіе-то болѣзненные стоны, или раздирающіе вздохи вырывались изъ устъ его.

Ужасно билось сердце Леонида, когда наконецъ наступилъ четвергъ. Всякое біеніе замирающаго

сердца, всякой ударъ часовъ напоминалъ ему о зовѣ Елены. Съ томительнымъ безпокойствомъ ожидалъ онъ времяни, назначеннаго приличіемъ; часы длились для него годами безконечнаго. Въ болѣзненномъ ожиданіи ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Книги не занимали его болѣе. Принимался ли читать — буквы сливались въ однѣ темныя полосы, безобразно браздились онѣ по бумагѣ или цѣплялись одна за другую.—Все кругомъ ходило въ его глазахъ, мутно въ нихъ было какъ въ водоворотѣ Океана, еще мутнѣе было въ душѣ....

Люди бѣсили его. Одинъ или ходилъ слишкомъ скоро, или дру-

гой былъ слишкомъ медленъ; онъ хотѣлъ бы изорвать всѣхъ, самаго себя, все твореніе, чтобъ залить бунтующій огонь души.

Наконецъ онъ поѣхалъ. Я супруга! я мать! ударами грома раздавались въ душѣ его во время дороги. Кровь какъ лава кипѣла въ его жилахъ при воспоминаніи о нихъ, судорожныя движенія ревности, злобы, отчаянія, неукротимаго бѣшенства адскимъ холодомъ пробѣгали по его членамъ.

У богатаго мраморнаго подъѣзда звонъ колокольчика и громкій голосъ Швейцара вывелъ юношу изъ мучительной борьбы съ самимъ собою. »Леонидъ Спруйскій!« закричалъ сей послѣдній

стоявшему на крыльцѣ оффиціанту. »Леонидъ Струйскій!« побѣжало по толпѣ другихъ служителей, пока не дошло до гостиной. »Просить!« раздалось надъ его головою. Воротиться поздно, участь его на тотъ вечеръ была рѣшена.

Огромная гостиная была полна народомъ, когда онъ взошелъ.

Быстро вскочила Елена услышавъ шелестъ ногъ Леонида. Онъ подошелъ къ ней съ заученою свѣтскою фразою.

— »Mon mari! прошептала она показывая на толстаго мужчину, проворно вставшаго изъ за-карточнаго стола для привѣтствія незнакомца. Оно было мертво и хо-

лодно. » Леонидъ Струйскій! продолжала Елена обращаясь къ мужу. Этимъ окончилось вступленіе его въ домъ Елены.

Не считая двухъ героевъ нашей повѣсти, одна только молодая дама не участвовала въ карточной игрѣ, этой холерѣ нашихъ обществъ. Не смотря на малочисленность тройственнаго этаго общества, разговоръ ихъ, разговоръ гостинныхъ, эта вѣчно возрастающая гидра, этотъ переходъ изъ пустоты въ пустоту, изъ ничтожества въ ничтожество, улиткою кружился и переливался изъ предмета въ предметъ; остроты и заученыя фразы размѣнивались какъ товары на ярмаркахъ,

и между тѣмъ, какъ говоря по руски, кошка скребла у нихъ на сердцѣ, высокіе своды гостиной не разъ оглашались смѣхомъ Леонида и Елены. Присутствіе посторонней было магическимъ узломъ, связавшимъ ихъ наружное веселье.

Пламя, неукротимое пламя, кипѣло въ груди юноши. Онъ хотѣлъ бы минуты наединѣ съ Еленою, онъ боялся этой минуты, какъ боятся дѣти появленія страшилища, онъ не зналъ для чего желалъ ее. Кровь сильно приливалась къ его головѣ.

Наконецъ они могли говорить безъ свидѣтелей. Они взглянули другъ на друга, и зарево румянца изобличило внутренное волненіе обоихъ.

— » Елена!« прошепталъ юноша.... въ груди его свирѣпствовали бури.... онъ задыхался, онъ хотѣлъ говорить еще, но: *я супруга! я мать!* какъ ледяная гора давили его.

Елена молчала потупивъ глаза. Она внимательно разсматривала узоръ батистоваго платка своего. Минутъ съ десять длилось молчаніе.

— » Вы обѣщали мнѣ разсказать о вашемъ путешествіи Леонидъ! « начала она, не подымая глазъ.

— » Путешествія мои не любопытны. Я видѣлъ Францію, я видѣлъ Лондонъ, Парижъ, — я видѣлъ ихъ, и ничего болѣе. Я объѣхалъ

Германію, на цвѣтущихъ берегахъ Женевскаго озера я думалъ о родинѣ, и очарованный роскошью картины расстилающейся передъ моими взорами, я вспоминалъ о той тѣсной комнаткѣ, въ которой.... помните ли вы это Елена?... Я могъ васъ видѣть свободно.... чувствовать блаженство сообщества, ощущать нѣгу дыханія....

Какъ будто слеза сверкнула на длинныхъ рѣсницахъ Елены, но она изсякла въ одно мгновеніе.

— » Тамъ на подоблачныхъ высотахъ Альповъ, продолжалъ Леонидъ, опоясанный громами и бурями, ярящимися подъ ногами моими, вдыхая въ себя эѳиръ неба,

или созерцая прелесть исполиновъ творенія, я думалъ видѣть образъ моей Елены. При закатѣ солнца, когда оно, величественно спускаясь за горы, золотистыми лучами своими играло переливаясь въ вѣчныхъ ледникахъ Грауденбаха, подобно великану встающему изъ темноватой пелены тумана, незабвенный образъ слѣдилъ меня очарованіемъ, выглядывая отовсюду. Въ шумѣ падающихъ лавинъ, въ свистѣ нагорныхъ бурь, голосъ Елены преслѣдовалъ меня гармоніей неба, возвышая, облагороживая душу до всего дивнаго и прекраснаго въ созданіи. О! Елена! Ежели есть благо на землѣ, ежели суждено мнѣ не знать радостей, кромѣ

тѣхъ, которыми упивался я въ младенчествѣ, я умру доволенъ, ибо постигъ высочайшее благо, — любовь Ангела, заклеймившаго существованіе мое неизгладимымъ клеймомъ отрадныхъ воспоминаній. О Елена! Елена! васъ видѣть вновь, васъ любить опять,—вотъ все, что могу, вотъ все, что долженъ я.... Презирайте меня, лишите меня жизни, сдѣлавшейся безумнымъ бременемъ, но позвольте, изъ состраданія позвольте хотя въ тишинѣ боготворить васъ и говорить вамъ объ этомъ. Завяли цвѣты надеждъ на благо, жизнь смотритъ на меня пустыннымъ мракомъ гроба, любовь неземнаго существа, его участіе, его довѣрен-

ность.... О! я могу умереть еще насладившись жизнію....

— » Леонидъ! сказала Елена съ сильнымъ чувствомъ, милый Леонидъ! Жизнь есть безумной сонъ, безъ пробужденій, безъ дѣйствительной жизни, съ одними ужасающими грезами безрадостныхъ ночей!... О! вѣрьте мнѣ, что не надъ вами одними отяжелѣла мстящая кара судьбы, не вамъ однимъ суждено скитаться безъ ожиданій, безъ надеждъ, въ мертвой дѣйствительности ужаснаго настоящаго....

Горькая, жгучая слеза скатилась съ длинной рѣсницы, и какъ алмазъ пробѣжала по щекѣ ея.

— » И вы несчастливы, Елена, и вамъ тоже суждено страдать?... Къ вамъ ли осмѣлилась прикоснуться чаша страданія.... и....

— » О! какъ тяжко, Леонидъ, чувствовать ядъ терзаній мучительныхъ, ядовитыхъ, и въ сердцѣ своемъ заключить ихъ какъ завѣтное благо. Цвѣсти радостью на челѣ, а въ груди носить цѣлой адъ нераздѣлимыхъ страданій, болѣзненныхъ, раздирающихъ.... Тайный голосъ грызетъ душу зубами василиска, а отъ тебя требуютъ пируетовъ, или модныхъ романсовъ.... О Леонидъ!... Часто, часто смѣюсь я ядовитымъ смѣхомъ ненависти, смѣхомъ раздирающимъ задушаемыхъ воплей и стенаній,

отъ котораго содрогнулись бы самые духи ада, а эта презрѣнная толпа, меня окружающая, хохочетъ безъ причины, думая угодить мнѣ.... Ужасно быть прикована къ живому трупу нераздѣлимою, нерасторгаемою цѣпью и въ адскомъ томленіи дѣйствительнаго, среди созданій чарующихъ мечты наши всею нѣгою мечтательныхъ восторговъ, чувствовать одинъ мертвенный холодъ души, незнакомой съ ощущеніями высокими духа.... Леонидъ! Леонидъ!... И вы еще смѣете жаловаться на судьбу, и вы еще смѣете упрекать Создателя.... Вы можете любить еще.... Вы можете чувствовать еще отраду раздѣле-

нія, вы можете наслаждаться благомъ одиночества, когда ощущенія болѣзненной грусти безотрадно давятъ сердце.... а я.... я....

Внезапный шумъ и громкій споръ играющихъ вывелъ ее изъ мечтательнаго забытія....

— » Мнѣ душно здѣсь, Леонидъ, сказала она задыхающимся голосомъ. Эти люди.... и.... Боже мой!... мой.... мой мужъ, съ этимъ адскимъ равнодушіемъ, съ этою ничтожною внимательностію къ картамъ и выгодамъ; давятъ, терзаютъ меня.... Пойдемте отсюда, ради Бога пойдемте.... Мнѣ кажется, что воздухъ здѣсь пышетъ на меня духотою темни-

цы, что эти люди готовятъ мнѣ цѣпи безотраднаго рабства....

И какъ будто гонимая призракомъ бросилась она изъ комнаты; молча слѣдовалъ за ней Леонидъ.... Длинныя галлереи привели ихъ къ балкону и въ садъ. Рука въ руку сошли они съ гранитной лѣстницы; лунная осенняя ночь встрѣтила ихъ своимъ проницательнымъ холодомъ. Деревья, обнаженныя отъ роскошной одежды своей, мрачно смотрѣли на пришельцевъ; сухой, пожелтѣвшій листъ, хрустѣвшій подъ ногами, будилъ чуткое ихъ вниманіе.

— » Дальше, дальше отъ шума и суеты, — говорила страдалица сдергивая шаль съ высоко вздыма-

ющейся груди, чтобъ освѣжить сгарающіе свои члены; » тамъ адъ палитъ огнемъ терзаній своихъ, возбуждая ненасытную жажду блаженства....

—» Елена! сказалъ Леонидъ тихо, обхвативъ рукою станъ ея и прижимая ее къ своему сердцу.... Елена!... Умчалось драгоцѣнное время завѣтнаго счастія и невозвратимы минуты скоропреходящаго упоенія.... Какъ живо помню я тѣ мгновенія, когда я обнималъ мою Елену со всею горячностію пылкой страсти, и Елена съ дѣвственною нѣгою упадала на грудь мою; какъ уста наши искали устъ другаго, чтобъ въ чару-

ющемъ лобзаніи забыть и жизнь, и міръ, и людей. . . .

— » Леонидъ! вскричала дико Елена, судорожно бросившись въ его объятія.... О! замолчи ради Бога. . . . не растравляй глубокихъ ранъ воспоминаніемъ, не жги сердца ядомъ не исполняемыхъ желаній....

— » Любитъ ли меня еще моя Елена? . . .

— » Любитъ, любитъ! . . . хотя честь и долгъ запрещаютъ ей беззаконную любовь сію. . . . прошептала она слабымъ голосомъ, стараясь укрыть пылающее чело на груди возлюбленнаго. Члены ея слабѣли. . . . она медленно опуска-

лась лишаясь чувствъ.... наконецъ безъ движенія простерлась на рукахъ Леонида. Бережно положилъ онъ ее на дерновую скамью; мѣсяцъ ярко освѣщалъ прелестныя черты лица ея, любуясь собою въ прозрачной каплѣ слезы, застывшей на ея ланитѣ.

Блѣдная, какъ снѣгъ весенній, лежала Елена, поникши головою на рукѣ Леонида. Ставши передъ нею на колѣни, онъ пылающими устами лобызалъ холодную руку ея, или въ нѣмомъ восторгѣ прилипалъ къ посинѣлымъ устамъ....

Чело женщины въ обморокѣ имѣетъ что-то высокое и торжественное. Это небесное изваяніе не проникнутое теплотою жизни,

какъ будто увлекаетъ душу въ страну вдохновеній поэтическихъ, гдѣ она любитъ создавать образцы прекраснаго, или тонуть въ созерцаніи увлекающихъ формъ изящества и красоты.

— » Леонидъ! прошептала Елена едва слышнымъ голосомъ, мало по малу приходя въ чувство.... легкое, едва замѣтное судорожное движеніе пробѣжало по членамъ согрѣвающимся жизнію.... Леонидъ!... примолвила она гораздо слышнѣе, и глубокой вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея, вмѣстѣ съ именемъ возлюбленнаго.

— » Елена! моя Елена.... « говорилъ не помня самъ себя юноша,

лобызая ея руки, ея ланиты, ея уста. Одно слово Елена, одно только слово.... Осчастливь меня этими небесными звуками любви твоей.... твоей....

— » Гдѣ я? Что со мною?... начала она приходя въ себя, дико и смутно осматриваясь. Что со мною?... Леонидъ.... сказала она робко и почти шопотомъ, зачѣмъ ты здѣсь? Удались ради Бога, тебя могутъ увидѣть!... О! что будетъ со мною, ежели мой мужъ увидитъ тебя!... Заклинаю тебя именемъ любви моей — удались.... «

— » Чего боишся ты Елена?... Никто не можетъ нарушить нашего блаженства. Позволь мнѣ прижаться къ твоему сердцу, — на

твоихъ устахъ выпить все чарованіе упоевающей нѣги.... «

Онъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и на ея устахъ запечатлѣлъ жаркій поцѣлуй страсти.

Елена не помнила сама себя. Она вплелась въ его объятія, какъ прививается гибкій плющь къ многовѣтвистому дубу, и казалось въ нѣмомъ лобзаніи забывала вселенную. Глаза ея закатились; влага нѣги въ нихъ струилась, трепетъ желаній кипѣлъ въ оживающихъ членахъ, сердце сильно билось и замирало. Наконецъ упоеніе проникло ее нѣгою безбрежнаго счастія, силы ослабѣли, колѣни подги-

бались и дрожали.... и въ безсильной дремотѣ блаженства упала она на скамью, все еще находясь въ объятіяхъ Леонида.

Быстро приближалась минута забытія и блаженства. Пламень съ кровью палилъ сердце юноши.... одно роковое мгновеніе.... и все свершилось бы для преступленія....

— »Дочь моя!... Мой мужъ!... « говорила Елена задыхающимся голосомъ.... Леонидъ! Леонидъ!... Дочь моя.... моя дочь.... слышишь ли.... долгъ.... О! пусти меня Леонидъ!...

Она билась, стараясь освободиться изъ его объятій.—»Боже, Боже мой!... « говорила она всхлипивая, »и земля не попалила преступни-

цу.... какъ буду смотрѣть на тебя дочь моя?...

Съ силою вырвалась она изъ изступленныхъ объятій юноши. Глаза ея сверкали нѣгою, страстію, гнѣвомъ.

— » Леонидъ! хотѣла она сказать задыхающимся голосомъ упрека, жестокаго, горькаго.... но звуки голоса не послушались усилій воли, и недокончанные замерли, какъ звуки отдаленной флейты въ нагорныхъ ущеліяхъ.

Слезы обильнымъ источникомъ капали изъ очей ея.

Судорожное движеніе, подобное лихорадочной дрожи, пробѣжало внезапно по ея членамъ, слезы

мгновенно изсякли. Нѣмая, безсильная горесть изобразилась во всѣхъ чертахъ лица.... безмолвно, съ выраженіемъ тихой грусти посмотрѣла она на юношу, пристально, пристально.... и въ этомъ взорѣ, долгомъ какъ вѣчность, безконечномъ какъ любовь, выражался и упрекъ, и безнадежность ожиданія, и пылъ бунтующей страсти, и нѣга пылкихъ желаній, и суровость воспоминанія.... и гнѣвъ.... и любовь.... и терзаніе....

Медленно встала Елена съ дерновой скамьи; въ мрачномъ, мертвенномъ раздумьѣ, въ какой-то неподвижной безчувственности взяла она прядь распустившихся во-

лось, безмолвно вытянула эту роскошную ленту русыхъ кудрей во всю длину ихъ, потомъ съ равнодушіемъ безумства, съ живѣйшею заботливостію младенца начала свивать ихъ въ кольцо.... и ужасная, самодовольная улыбка какъ будто ослабила уста ея. Ликъ ея былъ страшенъ въ то мгновеніе, какъ видъ могилы, забытой среди безбрежныхъ песковъ пустыни....

Медленно пошла она по аллеѣ къ дому—и Леонидъ не смѣлъ за нею послѣдовать. Ни одного знака любви, даже ни одного слова прощанья не сорвалось съ посинѣлыхъ устъ ея.... и долго, долго бѣлое платье несчастной блестѣло сквозь деревья, серебримое лучами мѣсяца.

Два мѣсяца прошло послѣ этаго происшествія и Леонидъ нигдѣ не видалъ Елены. Грустно, безотрадно тянулись дни его. Веселье свѣта его не веселило; передъ очами его воображенія носился ликъ Елены, съ ея безумными движеніями роковой ночи.

Зима столицы вступила во всѣ права свои. Пышные балы своимъ роскошнымъ свѣтомъ, своею стаею легконогихъ поклонницъ моды, манили къ себѣ юношей. Суета стала между ними своимъ гостемъ. Обожатели эгоизма,—они безъразличія пола и возраста съѣзжались въ душную пустоту залъ, чтобъ размѣняться ощущеніями не чувствуемыми, чтобъ передать другъ

другу ядовитыя новости — слѣдъ безумной пустоты и праздности. Юноши спѣшили туда удовлетворить суетности и чувственности — презрѣннымъ страстямъ утомленнаго свѣта; дѣвушки блеснуть искуствомъ, и на воздушныхъ ножкахъ своихъ унести сердца поклонниковъ моды и ничтожества.

Высочайшее звено въ цѣпи наслажденій людей свѣта, балъ — по моему мнѣнію есть бездонная пропасть, все-пожирающая пучина, мрачная какъ могила, неумолимая какъ рокъ, жадно поглощающая въ себѣ блистательныя надежды юношей и дѣвъ, неразочарованныхъ еще бѣдственнымъ опытомъ жиз-

ни; всѣ высокія мечты и восторги младенчества, всѣ чарующія созданія, дивныя, прекрасныя какъ вдохновеніе. Тамъ—на балахъ этихъ, впервые разлетаются они—радужныя созданія восторговъ, тамъ обрываются цвѣтки ожиданій, и горькая, ужасная, ядовитая дѣйствительность, сквозь чарующія украшенія роскоши, сквозь обольщенія чувственности и нѣги, выставляетъ посинѣлое, изможденное чело свое, потухшіе свои глаза, въ которыхъ ужаснымъ, гробовымъ упрекомъ сказывается мертвенный холодъ ничтожества.

Среди людства и тѣсноты, среди безумства толпы, стремящейся къ удовольствіямъ и пресыщенію,

нигдѣ не находя ихъ, встрѣтилъ Леонидъ Елену.

Встрѣча ихъ была встрѣчею двухъ вѣчностей страсти, любви и угрызенія.

Медленно приближался къ ней Леонидъ. Въ боязливомъ, трепетномъ ожиданіи смотрѣлъ онъ на безчувственныя лица его окружающихъ, пугливымъ ухомъ прислушиваясь къ безумному ихъ лепету.... Онъ опасался встрѣтиться съ ея очами, и въ нихъ прочитать холодный упрекъ любви своей, безграничной, безпредѣльной — готовой подъ вліяніемъ тѣла сдѣлаться преступницею.

А Елена? ... О! она дышала уду-

шливымъ зноемъ Сары, дыханіе ея было плетворнымъ Самумомъ, пожигающимъ все окрестъ. . . . высоко вздымалась волненіемъ грудь ея. Она слышала, что сердце какъ маятникъ, то скоро, то медленно, но неровно, но трепетно билось; она чувствовала, что кровь изъ всего тѣла, изъ всего состава ея приливалась къ головѣ, къ глазамъ, которыми смотрѣла она изъ подтишка на Леонида.

Невѣрнымъ шагомъ пробирался къ ней сей послѣдній. Бѣдняжка! ей мнилось, что лица присутствующихъ, слившись въ *одно око упрека*, смотрѣли на нее съ насмѣшкою презрѣнія, что всѣ голоса ихъ, заключенные въ одинъ ужасающій

звукъ, оглашали ядовитымъ смѣхомъ отверженія своды залы.... Время вѣчностію капало изъ столѣтія въ столѣтія.... потъ крови, холодный какъ ледъ Океана, струился по членамъ ея, потрясенія судорожно пробѣгали по членамъ.

Леонидъ стоялъ передъ нею.

— » Елена!« сказалъ онъ тихо.... но всякая буква этаго имяни оглашающими созвучіями громила сердце страдалицы.

Она молчала.

— » Елена! « продолжалъ онъ, смѣю ли смотрѣть на васъ?

— » Леонидъ! — Ужасны упреки бунтующей совѣсти. Ужасно бояться приближенія другаго, избѣ-

гать палящаго терзанія очей его, какъ боимся мы встрѣчи гремучей змѣи. Но вѣрьте, что не упрекать васъ хочу я — о нѣтъ!... И мнѣ ли хотѣть на другихъ отяжелѣть гнетомъ собственной вины.... но лучше.... о! гораздо лучше позабыть, что Елена, что Леонидъ существуютъ въ мірѣ,— мы не должны встрѣчаться болѣе въ тѣснотѣ этой жизни....

— » Это невозможно, Елена; о! клянусь вамъ—это невозможно.... Жить и не видѣть васъ; знать присутствіе ваше и не смѣть созерцать своего блага.... пребуйте жизни, всего.... всего.... все могу обѣщать вамъ, все исполню, только не это.... О! молю васъ, не ли-

шайте, ради Бога не лишайте меня единственной отрады слышать чарующіе звуки голоса, вдыхать нѣгу дыханія.... видѣть огонь очей....

— » Леонидъ!... законы свыше положили между нами преграду.

— » Что можетъ быть святѣе, что можетъ быть торжественнѣе и выше неизмѣняемаго закона природы, довѣчнаго какъ твореніе, высокаго какъ сама молитва?... Елена! въ темнотѣ и холодѣ земной жизни одинъ только лучь свѣтитъ и согрѣваетъ радостью и блаженствомъ душу человѣка; онъ одинъ льститъ ему среди пустоты могильной, онъ одинъ, облаго-

роживая помышленія его, яркими, чарующими отзывами, напоминаетъ ему о не земномъ его происхожденіи. Высочайшая идея блага—не *любовь* ли это, святая, чистая, предвѣчная; причина созданія, не расторгаемая цѣпь существующаго?... О Елена!... Или непонятны вамъ таинственныя призванія духа, или жажда раздѣленія, бѣшеная, неукротимая, не палитъ душу вашу своею плѣняющею отравою?...

— » Очаровательны слова ваши, Леонидъ.... они нѣжатъ душу какъ гармонія, они обманываютъ умъ, они роскошною одеждою блага закрываютъ глубокую пропасть, зіяцую подъ ногами нашими....

О! вѣрю вамъ, что благо жизни, ея безбрежныя ожиданія, ея мечтательныя обольщенія, ея неизмѣряемые восторги кроются только подъ эгидою любви.... И всѣмъ существомъ моимъ я люблю.... хотя вся природа вопіетъ противу той безумной страсти.... Леонидъ! Леонидъ!... ужасно раскаяніе, когда змѣя лютая терзаетъ сердце ядомъ своимъ.... горьки упреки оскорбленной совѣсти....

— » Что ожидаетъ меня въ будущемъ? « продолжала она съ ядовитою усмѣшкою, вперивъ въ него неподвижные взоры, какъ будто желая въ его твердости почерпнуть силу перенести бо-

лѣзненныя терзанія собственнаго сердца.... Не вѣчный ли позоръ свѣта?... Она судорожно вздрагивала произнося слова сіи. — Не презрѣніе ли супруга?... не проклятіе ли дочери, осужденной слить понятіе о преступленіи, съ понятіемъ о матери.... ея родной матери?... ужасно!... Она закрыла лице руками, тяжкіе вздохи вздымали высоко - полную грудь ея.... » Матери! при имяни которой краска стыда зарумянитъ щеки моей Евгеніи.... моей милой Евгеніи.... О! позоръ.... позоръ... «

Она умолкла боясь быть замѣченной, но опытный глазъ наблюдателя замѣтилъ бы адъ тѣснив-

шійся въ груди ея; страшно дергались жилы въ лицѣ, глаза налились кровію, посинѣлыя губы шептали слова невнятныя.

Тяжко и мучительно было бореніе страсти съ долгомъ. Но голосъ страсти какъ вампиръ изсосалъ холодъ напоминаній разума, и Елена, восторженная Елена, предалась наконецъ могущественному обаянію ея. Они условились на тайное свиданіе въ магазинѣ.

— » Фанни! которой часъ?«

— » Восемь часовъ! « . . .

— » Чудно! они хотѣли пріѣхать ранѣе. . . . чтобъ « . . . .

Громко и продолжительно зазве-

нѣлъ колокольчикъ, быстро вскочила модистка на призывный гулъ его. Бренча саблей вошелъ Леонидъ.... и прямо чрезъ магазинъ. Со свѣчею провожала его Француженка до отдаленной комнаты.

Тамъ, съ плутовскою улыбкою, она присѣла, и вышла.

Томный полусвѣтъ освѣщалъ это убѣжище любви и преступленія. Тутъ все возжигало пламень желаній; тутъ самый воздухъ напоенъ былъ отравою нѣги и вожделеній. Роскошно убранная, эта маленькая комнатка сулила пришельцу безбрежное упоеніе; подъ небомъ ея, усѣянномъ золотистыми звѣздочками, свершилось столько

восторговъ, столько слезъ раскаянія пролито подъ кровомъ ея. Она слыхала и стоны угрызенія совѣсти, и смѣхъ закоренѣлаго разврата, и печальную улыбку обманутой невинности, мнившей въ чувственномъ наслажденіи найти весь рай мечтательныхъ восторговъ дѣвственности и наконецъ безвозвратно обманутой въ неопытныхъ ожиданіяхъ, и безумный, отчаянный хохотъ, и адъ терзающихъ воплей раскаянія. . . . и шопотъ любви и блаженства, и поцѣлуи дѣвственной стыдливости, и поцѣлуи чувственнаго сладострастія, и звуки стакановъ, и буйный шумъ пьянства и разврата.... О! все видѣла она, эта малень-

кая комнатка; нѣмая свидѣтельница:

Племенъ, нарѣчій, состояній,

И лицъ, и одеждъ, и половъ, и возрастовъ, она безмолвною тишиною своею какъ будто призывала къ успокоенію и нѣгѣ, и вмѣстѣ этою могильною тишиною поучала, упрекала, напоминала. . . .

Леонидъ сѣлъ на мягкомъ, широкомъ диванѣ, окаймившемъ комнатку. Часы били девять и унылый звонъ ихъ прошепталъ ему мукою и томленіемъ. Звукъ подъѣзжающихъ къ магазину каретъ палилъ его внутренность, разжигая болѣе и болѣе адъ мучительнаго ожиданія. За всякой каретой онъ мнилъ видѣть Елену вошедшею. Это она!

шепталъ онъ при всякомъ шелестѣ ногъ, но слѣдующая за тѣмъ мертвая тишина была ему единственнымъ отвѣтомъ.

Наконецъ около половины десятаго въ самомъ дѣлѣ распахнулась дверь и вошла женщина. подъ Частымъ покрываломъ скрыты были черты лица ея, она безмолвствовала.... и, не покидая наряда своего, сѣла близь Леонида. . . . Не ужли это не Елена? . . . думалъ юноша. . . . Ни одного слова любви и привѣта. . . . Онъ боялся приблизиться къ ней.... молчаніе длилось.

Наскучивъ ожиданіемъ, онъ подсѣлъ ближе, онъ обнялъ рукою стройный станъ незнакомки, онъ

хотѣлъ сорвать покрывало: но движеніе грозное, показывающее невозможность этаго, его остановило.

— » Елена! « сказалъ онъ въ полголоса, опасаясь въ случаѣ ошибки подвергнуть позору имя Елены.

Легкій вздохъ вылетѣлъ изъ подъ покрывала.

— » О! это она.... « подумалъ онъ, и сдѣлался смѣлѣе.

Онъ прижалъ ее къ своему сердцу онъ говорилъ рѣчи любви.

Нѣтъ отвѣта.

Онъ расточалъ всевозможныя ласки, онъ молилъ снять покрывало.

Нѣтъ отвѣта.

Трепетъ ужаса пробѣжалъ по его членамъ; долго и пристально смотрѣлъ онъ на эту фигуру, неподвижную, съ покрытымъ челомъ прислоненную къ стѣнѣ.

Онъ взялъ ее за руку: рука была холоднѣе обыкновенной теплоты руки.

Какъ бѣшеной вскочилъ онъ.

Два раза прошелъ онъ по комнатѣ; ужасная тягость давила грудь его.

Онъ подошелъ, просилъ, умолялъ, сталъ на колѣни, лобызалъ руки.

Нѣтъ отвѣта.

Въ безумномъ неистовствѣ сор-

валъ онъ покрывало съ чела незнакомки.

Передъ нимъ блѣдная, безъ движенія, въ сильномъ обморокѣ сидѣла Елена. Вопль ужаса невольно исторгся изъ его груди; онъ пламеннымъ дыханіемъ согрѣвалъ руки, жаркимъ лобзаніемъ, казалось, хотѣлъ перелить новую жизнь въ грудь возлюбленной.

Она опамятовалась въ его объятіяхъ.

И въ безумномъ упоеніи сидѣли они сплетясь объятіями. Лобзанія долгія, мертвыя, пламенныя, кипятили кровь ихъ.

Пространство, ихъ раздѣляющее, дѣлалось все менѣе и менѣе....

дрожь желаній, подобно магнетической искрѣ, перелилась взаимно отъ одного къ другому.... глаза запылали огнемъ бунтующимъ—и....

Отрясая нѣгу съ пылающихъ очей, облитыхъ влагою сладострастія, лежала Елена на груди Леонида, ни о чемъ не помышляя, кромѣ своего блаженства. Впившись очами въ его очи, въ безумномъ забытіи забывала она все.... кромѣ отрады его объятій.

Но скоро угрызенія совѣсти ударами грома раздались въ разгромленномъ сердцѣ ея, и мысль: *преступница!* разрывающимъ ядомъ своимъ разлилась въ душѣ ея; *преступница!* раздавалось ей въ

шелестѣ; *преступница!* твердили ей тишина и безмолвіе; ей казалось, что самыя стѣны съ ужасающимъ упрекомъ смотрѣли на нее, проклиная преступницу, или обрекая ее вѣчному, неизгладимому позору.

Быстро вскочила Елена съ ложа упоенія.... она хотѣла говорить, проклинать, упрекать, плакать.... но самосознаніе ужасающей гидрой возстало передъ нею и давило ее собственною своею тягостью.... она хотѣла бы слезами облегчить тягость болѣзненной тоски страданія, но слезы свертывались камнями въ очахъ ея, и съ сугубою силою падали вновь на сердце, пожигая проницательнымъ пламе-

немъ своимъ всякую отраду будущаго....

Шатаясь, оставила она магазинъ и Леонида.

Но дома, когда успокоилось пламенное волненіе, когда бурями закипѣло воображеніе, и въ очаровательныхъ грезахъ предстали передъ нею минуты проведенныя съ Леонидомъ, когда потребность и жажда непремѣннаго раздѣленія какъ вихри закрутились въ груди ея; тогда.... О! какъ мертвы, какъ ледяны показались ей объятія супруга. Снова, съ новою, неудовлетворяемою жаждою, глубже и глубже падала она въ пропасть порока. Новое свиданіе назначено было Леониду.

И почти цѣлую зиму длились тайныя свиданія ихъ. Елена была счастлива, ибо отъ одного вечера до другаго она жила ожиданіемъ. Дѣятельность духа есть надежное средство заговорить порывы совѣсти. Ни прошедшее, ни будущее не существовало для нее: она жила одною отрадою настоящаго.

Но даже и мечтательное счастіе непрочно здѣсь на землѣ. Ревность мужа начала по немногу подымать завѣсу этой роковой тайны: за деньги открылъ онъ преступную связь ихъ,... и бѣшенство обманутаго не имѣло границъ.

Но Елена превозмогла все. Она

терпѣніемъ, она внимательностію женщины смыла пятно подозрѣній, сдѣлавшись только осторожнѣе. Магазинъ не могъ уже болѣе быть мѣстомъ свиданія: надобно было думать о другомъ.

Въ столицахъ, ежели смѣю выразиться, въ этихъ средоточіяхъ разврата, есть классъ женщинъ, для которыхъ слова: *добродѣтель* и *невинность* суть только слова оскорбленія. Эти презрѣнныя существа, души которыхъ окостенѣли среди срама, въ темнотѣ вечеровъ, пріютныхъ преступленію, бдительнымъ окомъ пересматриваютъ весь реестръ беззащитной невинности, чтобъ промѣнять не-

порочность души на золото; у которыхъ дыханіе заразительно и тлетворно какъ язва всепогубляющая — Эти, *вдовы порока* по выраженію Жаненя, оскорбляющія въ преклонныхъ лѣтахъ сѣдины своими сѣдинами, даютъ пріютъ бѣшеной страсти или утонченному сладострастію, воздвигая на развалинахъ добродѣтели ближняго золотой олтарь свой.... Къ нимъ, какъ въ бездонную пропасть, безвозвратно повергаетъ неопытная юность и святую невинность свою, и высокія созданія поэтическихъ вдохновеній, и цвѣтущее здоровье, и достояніе отцовъ; тамъ въ безумной радости упиваются они обольстительнымъ развратомъ, ви-

номъ не пресыщающимъ, но глубоко, но неизлѣчимо, но тяжко уязвляющимъ душу смертоноснымъ ядомъ порока....

Тамъ-то Леонидъ назначилъ Еленѣ вечернія свои свиданія.

И та Елена, дыханіе которой было чисто, какъ дыханіе Майскаго вечера, неопытная душа которой была непорочнѣе первой слезы любви, и та Елена согласилась быть собесѣдницей человѣка въ вертепѣ разврата.

Былъ темной, бурной вечеръ, когда примчалась туда Елена.

Ее проводили въ особую комнату; — но шумъ позорной толпы смутно доходилъ до ея слуха.

Безумный, продолжительный хохотъ, отвратительные звуки гитары и женскихъ голосовъ, свистъ ругательствъ и богохуленій, неясно раздавались въ ушахъ Елены. Сильнѣе и громче неслись неистовые клики ихъ, звонъ бутылокъ и стакановъ, и потомъ снова буйные крики радости долгіе, страшные, леденили кровь ея. Уже трепетъ боязни пробѣгалъ по членамъ, уже робко билось сердце, ожидая чего-то ужаснаго....

— » Леонидъ! Куда привезъ ты меня? говорила въ нѣмой, безсильной горести Елена.

Съ крикомъ приближалась толпа къ дверямъ ея комнаты. Ужасъ око-

валъ сердце несчастной; оно робко, боязненно замирало.... дыханіе какъ будто гасло въ задушаемой груди... тоска неизъяснимая палила ея внутренность.

Тсъ!... Они идутъ.

Кончено!... Двери распахнулись настижъ, и передъ нею отвратительныя лица, заклейменныя клеймомъ неизгладимаго позора.... толпа безумствующая слѣдовала за ними, обезображенная пьянствомъ и развратомъ.

— » А! вотъ куда скрылась она,— залетная пташка!...

— » Сюда! Сюда! « кричало множество голосовъ.

И безчувственную Елену выве-

ли въ залъ, гдѣ она была предметомъ неистовыхъ ругательствъ, буйныхъ ласкъ, предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Безчувственна какъ трупъ, мертва какъ безмолвіе пустыни, блѣднѣе призрака могильнаго, сидѣла Елена до тѣхъ поръ, пока оскорбительныя предложенія, пока поцѣлуи сладострастія не вывели ее изъ отраднаго, неподвижнаго забытія.... Тогда она очнулась: потъ кровавыми каплями выступилъ на челѣ ея, смутно замерло сердце.... багровый румянецъ пятнами выступилъ на ланитахъ.

Леонидъ. Молніями яраго гнѣва зажглись его очи, увидя Елену въ

такомъ состоянiи. Страшно вращались они, налитыя кровью, потускнѣвъ вскорѣ отъ бунтующей ярости ощущенiй. Ужасно стучали зубы его, задыхаясь не могъ говорить онъ.... »кровь! кровь!« срывалось только судорожно съ языка его, какъ будто давая тѣмъ знать, что кровью, одною только кровью можно было смыть позоръ и поношенiе.

Вышедъ изъ безмолвнаго оцепѣненiя ярости, онъ какъ бѣшеной бросился на окружающихъ. Шумъ и крикъ, ругательство и проклятiя, огласили вскорѣ это жилище позора и преступленiя. Визгъ женщинъ, ихъ ужасающiй вопль довершилъ ужасную эту сцену.

Внезапно среди этихъ воплей, среди грома и шума, среди крика и ругательствъ, Леонидъ увидѣлъ мужа Елены. Несчастная жена его лежала безъ памяти. Онъ стоялъ — весь ярость, какъ окаменѣлый. Страшно дергались всѣ черты лица его, пѣна бѣшенства ключемъ билась изъ посинѣлыхъ устъ.... Болѣзненныя, удушаемыя стенанія время отъ времяни вырывались вмѣсто словъ изъ его груди.... Однако онъ могъ еще подойти къ Еленѣ, въ безуміи рванулъ ее за руку съ софы, на которой лежала она, блѣдная какъ трупъ умершаго, и съ дикостію, нѣмою, ужасающею во взорахъ, онъ началъ топтать ее ногами.

Леонидъ не могъ болѣе терпѣть. Быстро бросился онъ къ Еленѣ, оттолкнувъ ея мужа, поднялъ ее на руки, съ безмолвною горестію разсматривалъ искаженныя отчаяніемъ черты лица ея, положилъ ее снова на софу, сталъ передъ нею на колѣни, цѣловалъ ея волосы, цѣловалъ ея руки. . . .

— » Соблазнитель! Вѣроломецъ! « вскричалъ наконецъ мужъ Елены, вышедъ изъ оцепѣненія своего и, бросившись на Леонида, хотѣлъ задушить его своими руками.

Леонидъ всталъ; сильно оттолкнулъ его, съ достоинствомъ посмотрѣлъ ему въ лице, но взглядъ противника какъ упрекъ замогилъ-

ный заставилъ его потупить взоры.

— » Подлецъ! « кричалъ тотъ въ ярости. » Ты разрушилъ миръ семейства, ты какъ змѣя вползъ между моимъ сердцемъ и сердцемъ предательницы, обливъ его ядомъ разврата.... Не для нее-ль пожертвовалъ я своимъ спокойствіемъ, своимъ достояніемъ? . . .

— » Послушайте!...« сказалъ Леонидъ съ чувствомъ; » ужасно мститъ природа за нарушеніе ея законовъ. Потребность любви, жажда незамолкаемаго раздѣленія не гаснетъ никогда въ душѣ человѣка, хотя бы разумъ возставалъ противу страсти каменною стѣною.... И вы своею холодною,

обдуманною любовью хотѣли удовлетворить этой жаждѣ стремленія въ душѣ семнадцатилѣтней дѣвушки? О! какъ жестоко ошиблись вы!... Сердца ихъ требуютъ пыла, огня и бурь, и тамъ, гдѣ неукротимое пламя пышетъ въ груди ихъ, жаждая слиться съ кѣмъ нибудь въ созданіи, тамъ вы думали удовлетворить ихъ однимъ холодомъ разсудка, однѣми выгодами существеннаго. . . . Страсти, страсти! шепчетъ имъ внутри тайный голосъ, а вы суетою тщеславія и благомъ роскоши жизни дѣйствительной, хотѣли потушить порывы юнаго сердца! . . . Развиваясь во глубинѣ мечтательныхъ восторговъ, стремясь къ возвы-

шеннымъ идеаламъ, онѣ живутъ безусловною жизнью духа, презирая земную жизнь, а вы думали свести ихъ съ мечтательной высоты, чтобы пресмыкаться въ толпѣ, чтобъ упасть до людей обыкновенныхъ, не возвысившихся до того, чтобъ понять души ихъ, тлѣющія пожаромъ поэтическаго восторга....

Онъ остановился, ибо слабыя движенія Елены напомнили ему, что она требуетъ помощи. Онъ подошелъ къ ней, дулъ ей въ лицо, своимъ дыханіемъ хотѣлъ возвратить къ жизни.... Наконецъ она открыла глаза, смутно обвела потухающій взоръ свой, безсильною рукою оттолкнула Леонида

и устремивъ умоляющій, неподвижный взоръ на мужа, слабымъ, умирающимъ голосомъ произнесла: Прощеніе, прощеніе!...

Тотъ, къ кому были обращены слова сіи, стоялъ не говоря ни слова, безъ всякаго движенія, убѣдившись отчасти въ словахъ Леонида, и размышляя о нихъ.

— » Мой Александръ!« продолжала Елена и тяжелыя всхлипыванія, и горючія слезы вырвались за ея словами.... »О! прости преступницу!... Именемъ Бога всемогущаго молю тебя.... ради невинной моей Евгеніи....«

Голосъ природы смягчилъ ожесточеніе ожесточеннаго супруга.

Онъ подошелъ къ Еленѣ, онъ долго смотрѣлъ на нее,—наконецъ слезы рванулись изъ его очей....

— »Ужасно, Елена, видѣть себя обманутымъ, ужасно въ будущемъ видѣть себя предметомъ насмѣшекъ и позора.... о! Богъ видитъ, какъ я любилъ тебя!... Но это правда, я не могъ понять души твоей, я могъ любить спокойно; буря страстей давно смолкла въ моей груди подъ опытомъ лѣтъ....« Онъ не могъ продолжать болѣе.... наклонившись поцѣловалъ онъ Елену и почти на рукахъ понесъ ее въ карету.

Нѣсколько горькихъ дней протекли для Леонида мучительною

тягостію. Онъ зналъ, что Елена при смерти,—и ничего не могъ узнать болѣе. . . . глаза его блистали безуміемъ горести; мертвеннѣе, блѣднѣе становилось лице его, глаза тухли.

Однажды вечеромъ сидѣлъ онъ полный ужасной тоски, человѣкъ въ ливреѣ потребовалъ его видѣть. Онъ вручилъ ему записку. Подписи не было.

Сорвавъ трепетно печать, рука Елены отрадно мелькнула его сердцу. Онъ читалъ:

» Леонидъ! Когда ты будешь » читать роковое это посланіе, тво- » ей Елены не будетъ существо- » вать болѣе. Перенести позора не-

» возможно! . . . Мужъ мой. . . . его
» взоры пламенемъ преслѣдуютъ ме-
» ня съ нѣмымъ упрекомъ. . . . про-
» сти. . . . будь счастливъ. . . . вспо-
» минай иногда объ Еленѣ, которая
» любила тебя всею неопытностію,
» всѣми восторгами пламенной ду-
» ши своей. «

Твоя Елена.

»P. S. Тамъ, гдѣ слова: *любовь* »и *долгъ* сливаются въ одну мысль, »безъ раздѣленія и пожертвованія, »тамъ прижму тебя къ моему серд- »цу. Люби моего мужа, и ежели онъ, »мучимый ревностью, покинетъ »мою Евгенію, мою бѣдную Евгенію, »не покидай, ее. О! не покидай молю »тебя, заклинаю тебя нашею лю- »бовью. . . . она невинна. . . . «

Какъ бѣшеной бросился Леонидъ вонъ изъ комнаты, неодѣтый, съ растрепанными волосами, съ мертвой блѣдностію лица.

Онъ прибѣжалъ задыхаясь въ домъ Елены. Въ залѣ, на столѣ, обезображенная страданіемъ, посинѣлая, съ остановившимися глазами, съ явными слѣдами отравы, лежала прежде прекрасная Евгенія. Судорожно вскочилъ онъ ко гробу, въ безуміи, съ неистовымъ воплемъ отчаянія, прижималъ ее къ сердцу, цѣловалъ ея мертвыя, синія губы, ея окостенѣлыя руки, охолодѣвшую грудь ея.... до тѣхъ поръ, пока въ совершенномъ безпамятствѣ не повергся на землю....

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

ВТОРАЯ ПОВѢСТЬ БЕЗУМНАГО.

(БЫЛЬ.)

L'intuition est une des facultés de l'être interieur; elle reagit par une sensation imperceptible. Napoleon s'en allant instinctivement de sa place, avant qu'un boulet n'y arrive, sans savoir pour quoi.

Balzac.

Есть минуты, есть часы тоски тяжкой, неизъяснимой. Разумъ тогда, какъ будто пораженный параличемъ, вдругъ прерываетъ ходъ свой, но чувство отравленное полнымъ понятіемъ о величіи бѣды, подобно лавинѣ рушится на сердце и погребаетъ его въ хладѣ отчаянія, нѣмаго, но глубокаго, безчувственно мучительнаго.—Тогда очи не находятъ слезъ, уста выраженій и тѣмъ ужаснѣе тоска сосредоточенная въ груди, тѣмъ ѣдче слезы каменѣющія на сердцѣ, которое какъ подземная жила, переполненная пылающей серой, рвется сбросить съ себя громаду, и готовое расторгнуться, не можетъ сдвинуть груза его удушающаго, не можетъ отрѣять палящаго вздоха.

Марлинскій.

Въ маленькомъ, но впрочемъ уютненькомъ, чистенькомъ городкѣ одной изъ степныхъ Губерній нашихъ, стоялъ на квартирахъ пѣхотный полкъ. Добрые провинціалы, радушные помѣщики, какъ братья и отцы жили съ своими постояльцами. Уже не одинъ изъ молодыхъ Офицеровъ, можетъ быть пришлецъ изъ странъ бли-

скихъ къ полюсу, гдѣ люди, окованные суровостію климата, также мрачны и холодны какъ покрывающее ихъ небо; другія дѣти роскошнаго Юга, взлелѣянныя нѣгою благодатнаго, вѣчно-яснаго неба Авзоніи нашей, роскошной Малороссіи, въ отдаленіи отъ добрыхъ, родимыхъ матушекъ, милыхъ сестрицъ и можетъ быть обожаемыхъ любезныхъ, въ странѣ чуждой почтили почтенныхъ хозяевъ своихъ названіемъ отцовъ, а дочерей ихъ кроткими имянами сестрицъ. О! я знаю, что прикрытые этимъ завѣтнымъ именемъ, они частенько сиживали на единѣ и даже по нѣскольку часовъ сряду съ нареченными брат-

цами своими, внимая упоительнымъ рѣчамъ походной любви ихъ, или созерцая въ нѣмомъ восторгѣ красоту армейскаго мундира, подъ которымъ билось пламенное, огненное сердце, выливавшееся всегда въ пошлыхъ, заученныхъ комплиментахъ, почерпнутыхъ изъ романовъ *Дюкре дю-Менеля* съ братіею, составляющихъ обыкновенное чтеніе провинціальныхъ Адонисовъ. Какъ бы то ни было, только матушки съ тѣхъ поръ гораздо и гораздо чаще стали присматривать за костюмами лѣпообразныхъ дочекъ своихъ,—и говорятъ (можно ли вѣрить всему?) что купцы въ развалившихся рядахъ чистенькаго городка съ тѣхъ

поръ перестали жаловаться на худую продажу, потому, что тюль и рюшъ, и ленты не залеживались уже болѣе отъ ярморки до ярморки въ уродливыхъ ящикахъ ожидая покупателей. Это было прекрасно! согласенъ съ этимъ, но за то въ другомъ случаѣ, имянно когда дѣло доходило до полныхъ нарумяненныхъ половинъ и рослыхъ дюжихъ дочекъ, эти же самые купцы не слишкомъ благосклонно поглядывали на подмундирныхъ гостей своихъ. Кстати замѣчу я здѣсь одно маленькое обстоятельство, которое удалось мнѣ видѣть въ этомъ городкѣ. Признаюсь вамъ, Господа, никакъ не могу растолковать себѣ, для чего купеческія дѣвицы, не по-

казываясь никому днемъ, не посѣщая даже церквей Божіихъ, вечеромъ, часовъ въ 10-ть лѣтомъ и 5-ть зимою, когда сдѣлается уже довольно темно, отправляются по улицамъ для прогулокъ *.

Изъ всѣхъ офицеровъ этаго полка, любимецъ Полковника, и ежели правду сказать воспитаннѣе и образованнѣе всѣхъ, былъ Прапорщикъ *Линскій*. Его прекрасная головка, осѣненная черными, віющимися кудрями волосъ, его улыбающееся, привлекательное ли-

* Это не выдумка. Купеческая дѣвица, когда она *посажена* т. е. объявлена невѣстою, днемъ ни на шагъ не выходитъ изъ дому и только въ темнотѣ показываетъ себя женихамъ-молодчикамъ.

це, съ маленькими, едва пробивающимися усиками, въ самомъ дѣлѣ имѣло что-то мечтательное и конечно отличительное предъ другими. Какъ же вы хотите, чтобы на него не обратились глаза старыхъ и молодыхъ? Провинціальныя барышни были отъ него безъ ума. — »Вчера мы были у »*такихъ-то*, часто писывали пріятельницы одна къ другой, и тамъ »былъ знаешь ли кто?—*Линскій*!... »Ахъ; Anette! какъ милъ онъ! Но »досадный, представь себѣ, онъ »только и бредитъ своей Лизбетой, этой тихинькой дурочкой, »всегда одѣтой какъ нищая.« Такого, или почти такого содержанія были всѣ записочки уѣздныхъ

героинь. — Пожилыя ихъ матушки не говорили и не переписывались о немъ съ другими, это правда, но по совѣсти сказать, почти тоже самое очень хорошо чувствовали во глубинѣ чувствительныхъ сорока и пятидесятилѣтнихъ сердецъ своихъ.

Изъ всего цвѣтника провинціальныхъ красотъ, одна привлекла на себя вниманіе нашего счастливаго Прапорщика. — Эта *одна* Лиза, добринькая, миленькая и довольно образованная, но можетъ быть слишкомъ мечтательная, была дочь одного тамошняго помѣщика. Назовемъ его хоть Добровымъ. Онъ былъ человѣкъ простой, говорятъ даже нѣсколько помѣшан-

ный, да я не вѣрю тому. И на чемъ клевешники основывали свои заключенія, какъ бы вы думали?... На томъ, что онъ въ продолженіи десяти лѣтъ читалъ одинъ и тотъ же номеръ Вѣстника Европы и въ продолженіи десяти лѣтъ, на дюжинной скрыпкѣ наигрывалъ одну бемольную увертюру.- Супруга его была женщина, или лучше сказать мужчина, потому что завѣдывала всѣмъ въ домѣ, всѣмъ распоряжалась, управляла имѣніемъ, и даже, говорятъ, частенько кормила подзатыльниками добраго мужа своего, который, разумѣется, на все, что она ни говорила, все что ни дѣлала, смотрѣлъ сквозь пальцы, хотя въ городѣ не слишкомъ съ хоро-

шей стороны поговаривали о ней. Дочка ея, какъ выше сказано, всею пылкостію страстной души преданная молодому Прапорщику, была точно такова, какъ нашъ очаровательь Баратынскій описалъ Эду:

Летучій станъ, власы златые
Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ,
И очи свѣтло-голубыя
Подобно яснымъ небесамъ.
Способность къ чувству въ сердцѣ чистомъ
Вотъ Лиза вамъ.

Часто въ ея большихъ глазахъ, прекрасныхъ какъ бирюза неба, которыми смотрѣла она на своего милаго Прапорщика, гнѣздилось какое-то чувство непонятное,

неизъяснимое, но сладостное. Я люблю такіе глаза. Въ нихъ прямо отсвѣчивается тоже самое чувство, какое по неволѣ тѣснится въ душу, при воззрѣніи на картины сельской природы. Любезной ея часто посѣщалъ домъ ихъ; неизвѣстно почему позволялось это матерью, хотя очень легко можно было замѣтить отношеніе, существовавшее между молодыми людьми; помнится мнѣ будто я слышалъ, что матушка имѣла тутъ свои виды и отношенія! — Молодой герой нашъ былъ влюбленъ, а вы знаете, можетъ ли пылкая, неопытная душа юноши удержать что либо въ тайнѣ?

. . . . . Неопытная младость
Не можетъ ничего скрывать;
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.

Сказалъ поэтъ,—и по моему ни одной истины свѣтлѣе не выходило изъ устъ человѣка. — Такъ мудрено ли, что Линскій, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ, не ѣлъ, не спалъ, писалъ стихи, дѣлалъ однимъ словомъ всѣ тѣ глупости, которыми эти Донъ-Кихоты стараются плѣнить Дульциней своихъ; но что хуже всего, такъ это было-то, что весь городъ сперва шопотомъ, потомъ тишкомъ, а наконецъ и въявь и вслухъ началъ про то поговаривать.

*

» Чему ужъ быть, тому не миновать « говоритъ пословица, и правда, и словъ нѣтъ противу этого; но для чего люди, положимъ хоть и влюбленные, однако видавшіеся каждый день, вздумали еще и переписываться, ужъ это одному Богу извѣстно?... Не ужели въ безконечно - длинно - длинномъ котильонѣ, гдѣ Линскій былъ всегда безсмѣннымъ кавалеромъ Лизы, или за укромными фортепіано, гдѣ болтали они, охали, ахали, не опасаясь быть подслушанными, не могли они довольно наговориться? Странно!... А я такъ всегда думалъ, что влюбленные умѣютъ говорить глазами и притомъ такъ искуссно, что на этомъ, для насъ

темныхъ людей непонятномъ языкѣ, въ полчаса могутъ наговорить цѣлые томы. Не знаю правда ли, а только я слышалъ, что переписка происходила чрезъ ловкаго деньщика, имѣющаго какія-то отношенія къ горничной, что кажется и довольно вѣроятно. И такъ въ одномъ изъ этихъ нѣжно-чувствительно-приторномъ письмецѣ, со включеніемъ всевозможныхъ эпитетовъ и нѣжностей (надъ которыми вѣрно бы прослезился чувствительный Издатель Дамскаго Журнала), заключалась однажды просьба ночью повидаться съ милымъ въ саду, подъ тѣнію развѣсистой липы. Ахъ! влюбленные могутъ догадаться, отказала ли

наша Лизанька возлюбленному своему?...

II.

Вечеръ. Съ томленіемъ юнаго, пламеннаго сердца ждетъ Лиза часа, назначеннаго для свиданія. Все, что до сихъ поръ ни читала она въ романахъ, роится въ ея воображеніи, какъ фантасмогорическія, полупрозрачныя тѣни. То мнитъ она себя какой нибудь Амаліей, или Луизой, то рыскаетъ по свѣту Матильдой, то въ упоеніи чарующей нѣги видитъ себя Софьей, въ объятіяхъ какого нибудь пылкаго Эдуарда. Сердце ея бьется сильно, сильно, только что не выскочитъ изъ груди. Уже мысленно прижи-

маетъ онъ къ груди любезнаго; ярко рдѣютъ ея щеки; лавою волкана кипитъ кровь ея, воображеніе пылаетъ какъ зарево пожара. Не было еще и девяти часовъ, какъ она, подъ предлогомъ головной боли, ушла въ свою комнату, въ ожиданіи тѣхъ безконечныхъ часовъ, которые должны повергнуть ее въ страстныя объятія милаго. Но не стану утомлять васъ Милостивые Государи и Милостивыя Государыни, описаніемъ того, какъ она садилась за фортопіано и какъ клавиши, издавая нестройные звуки, пугали ее своими дикими аккордами; какъ пальцы отказывались вмѣстѣ съ мыслію летать по струнамъ ихъ, какъ она начинала

читать, и какъ литеры играя бѣгали по бумагѣ. Я не стану ничего расказывать, потому что ужъ это слишкомъ, слишкомъ обыкновенно, и желающій можетъ найти преподробное описаніе обо всемъ этомъ въ любомъ современномъ романѣ. Кукушка въ столовой прокуковала одиннадцать. Это было магическое время. Не помня ничего, не видя ничего окрестъ, съ пламенными щеками, съ лихорадочною дрожью въ тѣлѣ, едва одѣтая, легкая какъ Сильфида, прекрасная какъ Діана, не чувствуя ногъ подъ собою, понеслась она въ садъ къ своему Эндиміону. Луна: *другъ печальныхъ*, какъ часто величала ее Лиза, роскошно всплыла на лазурный

океанъ небесъ и стройно покатилась между миріадами звѣздъ. Ея серебрянной ризой прикрылись поляны зелени, да яблони, да груши, будущія свидѣтели страстныхъ восторговъ ихъ, долгими тѣнями легли по песочнымъ дорожкамъ, и въ полупрозрачномъ туманѣ ночи, подобно привидѣніямъ толпились на куртинахъ земляники и картофелю. Все было тихо.... ни малѣйшій шорохъ не разбудилъ ревниваго ея слуха. Робко сошла она съ балкона, — тамъ подъ навѣсомъ развѣсистой липы уже ожидалъ ее возлюбленной. Тамъ, ежели смѣю выразиться словами однаго изъ нашихъ писателей: *онъ распахнулъ ей небо своихъ объятій,*

тамъ.... но я не стану описывать восторговъ ихъ, они выше всякаго повѣствованія. — Ежели вы читатель и читательница любили когда, то вы поймете меня. Въ пылкомъ забытіи, склонившись головою на грудь милаго, она была вся олицетворенный восторгъ. Весь міръ слился для нее въ одной единицѣ; всѣ идеалы, всѣ неясныя мечты, доселѣ тѣснившіяся въ душѣ ея, всѣ смутныя видѣнія разгоряченной фантазіи и наконецъ, все то, что на дѣвственной постелѣ, въ часы мучительной безсонницы должна была чувствовать дѣвушка.... о! теперь все это осуществленное, льстило ее

блаженною отравою безбрежнаго счастія и восторга.

Они молчали—да и за чѣмъ ничтожнымъ словамъ повѣрять то, чего не въ состояніи выразить языкъ; зачѣмъ конечными условіями слова стараться изъяснить неизъяснимое. Долго молчали они, наконецъ (по несчастію все въ мірѣ имѣетъ свой конецъ) они поцѣловались, поклялись еще разъ въ вѣчной до гроба, даже за гробомъ, пламенной любви.... и разошлись.—Болѣе ничего между ними не было, клянусь въ томъ честію повѣствователя.

III

Долго продолжались такимъ образомъ ночныя свиданія ихъ, какъ

вдругъ однажды утромъ мать Лизы, неожиданно призвавъ ее къ себѣ и прочитавъ ей длинную лекцію о скромности дѣвицъ, заключила поучительный монологъ свой тѣмъ, что запретила видѣться, на строго приказавъ прервать всякое сообщеніе съ Прапорщикомъ. — Вслѣдъ за тѣмъ она увѣдомила и о горестной истиннѣ, что ему отказано отъ дому. Что было тому причиною, о томъ молчитъ преданіе. Можетъ быть ревность, можетъ быть оскорбленное самолюбіе, можетъ быть боязнь, можетъ быть.... вѣрно только то, что наша Лиза, не унявшись запрещеніемъ матушки, хотя и перестала видѣться съ лю-

безнымъ Прапорщикомъ, однако часто, очень часто, услуживая горничная (о какъ смѣтливы и догадливы въ этомъ случаѣ онѣ злодѣйки!) чрезъ посредство милаго деньщика приносила ей вѣсточки о миломъ на письмѣ, да и сама она вѣрно не заставляла себя долго просить объ отвѣтахъ. — Надобно же было случиться, чтобъ на этотъ грѣхъ пріѣхалъ братъ нашей красавицы, служившій въ какомъ-то Кавалерійскомъ полку. Узнавъ въ подробности все дѣло чрезъ старухъ сплетницъ (надобно замѣтить, что въ провинціяхъ есть особой классъ женщинъ, занимающихся этимъ невиннымъ ремесломъ), онъ, какъ лихой на-

ѣздникъ, отправился прямо въ домъ Прапорщика, и послѣ длиннаго и жесткаго, какъ нѣкоторыя наши поэмы, вступленія, объяснилъ цѣль своего пріѣзда, съ требованіемъ возврата всѣхъ писемъ сестры. Благородный нашъ Прапорщикъ, скрѣпя сердцѣ, съ слезящими глазами, разстался съ этими талисманами любви и воспоминаній, которые тутъ же были всѣ сожжены на свѣчѣ.

IV.

Нѣсколько недѣль канули какъ въ воду. Братъ Лизы уѣхалъ. И переписка и свиданія начались снова. Опять узнала мать все подробно, и желая скорѣе отучить *под-*

липалу (это я точное выраженіе), она приказала повару своему и кучеру хорошенько попотчивать Прапорщика. Однажды, по возвращеніи его въ квартиру, онъ нашелъ на столѣ своемъ записку которою одинъ изъ Офицеровъ просилъ его къ себѣ на вечеръ увѣдомляя о перемѣнѣ квартиры. Хотя рука нисколько не была знакома юному герою нашему, однако онъ ни мало не сомнѣвался, и чуждый всякаго низкаго подозрѣнія, въ фуражкѣ и сертукѣ отправился въ означенное мѣсто. Но едва взошелъ онъ въ комнату, два сильныхъ человѣка бросились на него, и физически, довольно чувствительно напомнили ему при-

казаніе барыни, приговаривая нѣкоторыя слова, которыя безъ сомнѣнія ею же были продиктованы.

Очень вѣроятно, что стыдъ не позволитъ ему расказать товарищамъ своимъ случившагося съ нимъ произшествія. Хотя это увѣщаніе и было довольно убѣдительно, чтобы навсегда отказаться отъ всякаго любовнаго покушенія, однако оно не заставило уняться Прапорщика. Да и можетъ ли кто приказать сердцу перестать любить, кто можетъ остановить пламенные его порывы?... Слышу отвѣтъ вашъ Милостивые: Государи *никто!* и въ душѣ съ нимъ соглашаюсь. Какъ бы то ни было, только снова дошло до матери, что увѣща-

ніе, хотя довольно дѣйствительное, не подѣйствовало, и снова клевреты ея получили должное наставленіе.

V.

На квартирѣ одного изъ товарищей собрались всѣ Офицеры того полка. Вамъ, думаю, и ѣстно, что такое значитъ холостое общество. Откровенная и совершенная свобода разговоровъ, шумъ и дымъ табачной, нагорѣвшія свѣчи,— вотъ что составляетъ всегда отличительную черту характера молодыхъ людей и въ особенности военныхъ. Летящія изъ бутылокъ пробки, кипящій пуншъ и звонъ рюмокъ и стакановъ были

причиною, что громъ со смѣхомъ катились по комнатамъ. Всѣ были веселы до глупости; одинъ Прапорщикъ, не раздѣляя общей радости, сидѣлъ задумавшись въ углу.—»Что съ тобою, Линскій? « вскричалъ одинъ изъ подмундирныхъ остряковъ. »Ты сидишъ потупя носъ, словно невѣста на сговорѣ, или чортъ передъ заутреней!... Перестань, братецъ, дурачиться! Развѣ что съ Лизетой подѣялось?« прибавилъ онъ понизя голосъ, какъ будто желая тѣмъ доказать, что ему извѣстны сердечныя тайны юноши. При магическомъ имяни Лизы, туча висѣвшая на челѣ нашего героя прояснилась, тяжелый вздохъ вырвался изъ его

груди. »Не могу расказать тебѣ, »Стрѣльской, а ежели хочешь, »такъ и самъ не понимаю, отвѣ- »чалъ онъ, что со мною сдѣлалось, »Свинцовая гора давитъ мою душу, »предвѣстникомъ роковаго несча- »стія. Невыразима его тягость! »Весь нынѣшній день былъ для »меня днемъ адскаго терзанія! Пос- »лѣ обѣда легъ я уснуть,—но при- »зраки ужасные, страшныя грезы »слѣдили меня во снѣ; на яву зами- »раетъ сердце, огнемъ горитъ оно, »какъ будто бы вѣстникъ ада сто- »ялъ передо мною съ ужасною но- »востію. Не сдѣлалось ли уже чего »съ доброю моей матушкою? Ду- »мая развлечь себя, пришелъ я въ »шумный кругъ вашъ; но этотъ

»говоръ, но этотъ смѣхъ, лишь »глубже и глубже растравляютъ кипящій ядъ терзаній.«—Невольныя слезы посыпались по ланитамъ Линскаго при сихъ словахъ. »Э! полно братъ Линскій!« вскричалъ товарищъ его. »На выпей-ка стаканъ этаго нектара: это лучшее противуядіе отъ скуки. Честью увѣряю тебя, что съ послѣднею его каплей, какъ дымъ разсѣются тоска и грусть твои....« И въполной увѣренности, что совершенно убѣдилъ Линскаго, онъ поставилъ передъ нимъ стаканъ хмѣльной влажности. Хотя и съ принужденіемъ, однако Линскій выпилъ его; но видя, что всѣ медицинскія пособія товарищей недостаточны разсѣять его

грусть, онъ отправился къ себѣ на квартиру. Полночь пробила на часахъ соборной церкви, когда послѣдній звукъ удара калитки еще гремѣлъ въ ушахъ Линскаго. Все спало въ городѣ, гдѣ-гдѣ раздавались только вой, да лай собакъ. Завернувшись въ шинель и предавшись горестнымъ размышленіямъ, шелъ онъ по узкому длинному мосту, соединяющему одну половину города съ другою. Мысли его нѣсколько прояснилась при воспоминаніи о Лизѣ; ему мнилось видѣть ее съ ея смѣющимся пріятнымъ лицомъ, съ золотыми кудрями ея, волнами разстилающимися по плечамъ, съ этою неземною улыбкою, которая такъ часто дарила его

неизъяснимымъ блаженствомъ. Чарующія картины надеждъ грядущаго, прелесть воспоминанія нѣгою пробудились въ душѣ его.... »Она спитъ теперь сномъ дѣвственнымъ, сномъ непорочнымъ« думаетъ онъ, »а другъ ея какъ убійца съ тяжелою думой бродитъ одинокій.« Она бы святымъ участіемъ раздѣлила тягость его гнетущую, она бы элеемъ пролила въ грудь его всю тишину кроткаго спокойнаго сердца своего. Въ волнахъ безбрежныхъ мечтаній ему кажется, что она уже невѣста, что съ послѣднимъ румянцемъ дѣвственной нѣги припала она пламенными щеками и біющимся сердцемъ къ его сердцу, и на горячихъ устахъ его

запечатлѣла поцѣлуй жаркій, сладостный.... пламень пробѣжалъ по его жиламъ отъ упоительнаго лобзанія; въ восторгѣ протянулъ онъ руки, желая обнять призракъ воображенія, со всею прелестью красоты и невинности витавшій передъ нимъ завѣтомъ любви и мира, какъ вдругъ сильный ударъ дубиною въ голову повергъ его на землю. Два злодѣя съ яростію бросились на грудь юноши; одинъ изъ нихъ, схвативъ воротникъ военной его шинели, совалъ ему оный въ ротъ; тщетно кричалъ несчастный, тщетно защищаясь откусилъ палецъ у одного: его стенанія и отчаянные вопли дѣлались слабѣе и слабѣе, судорожныя дви-

женія кривили побагровѣвшее отъ усилій и прерваннаго дыханія лицо его.... кровь, остывая, медленнѣе начала вращаться въ жилахъ... еще одинъ глухой, предсмертный звукъ тихо вырвался изъ груди, холодный потъ выступилъ на челѣ.... онъ умеръ.

VI.

Въ одномъ подгороднемъ селеніи, на тонкомъ, едва замерзшемъ, льду рѣки, мыла на прорубѣ крестьянка. Полоская бѣлье ребятишекъ своихъ, нечаянно замѣтила она подо льдомъ кусокъ чего-то сѣраго. Любопытство заставило ее потянуть еще нѣсколько, и еще, и еще.... и наконецъ закутанный въ военной шинели человѣкъ пред-

ставился глазамъ ея. Она вскрикнула, бросилась опрометью, всполошила цѣлое селеніе. Народъ сбѣжался, раскуталъ шинель—и чтожъ? Съ распухшимъ, обезображеннымъ лицемъ, съ явными признаками насильственной смерти, окостенѣвшій, посинѣлый лежалъ нашъ молодой Прапорщикъ. Сломя голову поскакалъ сотской верхомъ въ городъ; тамъ уже около двухъ дней искали несчастнаго юношу. Благородный Полковникъ, любившій его какъ сына, сильно безпокоился: но что было съ нимъ, этимъ отцомъ своихъ подчиненныхъ, когда онъ узналъ о кончинѣ Прапорщика?— Нѣтъ словъ разсказать того. Онъ почтилъ память умершаго прилич-

нымъ погребеніемъ и обильнымъ токомъ слезъ запечатлѣлъ къ нему свою привязанность. По подозрѣнію и слѣдамъ начали отъискивать виновныхъ; и въ людяхъ Г-жи Добровой оказались они, и скорымъ признаніемъ окончили всякіе розыски. Злодѣи получили достойное наказаніе.

Въ народѣ ходилъ слухъ, что долго, долго послѣ не могли изгладить слѣдовъ крови на мосту изъ разбитой головы Прапорщика. То была кровь праведника, вопіющая къ небу объ отмщеніи.— Миръ праху твоему юноша! Въ чертогахъ надзвѣздныхъ селеній чистая и непорочная душа твоя насладится неизъяснимымъ бла-

женствомъ любви, которой злыя люди позавидовали здѣсь на землѣ. Покойся съ миромъ!...

На общемъ кладбищѣ иждивеніемъ отца-Полковника и товарищей соорудился памятникъ съ надписью о безвременной его кончинѣ.—Любезная его, говорятъ, пошла въ монастырь, испытавъ однако еще много превратностей и огорченій.

КТО БЫ МОГЪ ОЖИДАТЬ ЭТАГО?

ТРЕТЬЯ ПОВѢСТЬ БЕЗУМНАГО.

Душа наша иногда творитъ себѣ въ воображеніи высокія, прелестныя созданія, — созданія лучшаго міра, желая вылиться въ благороднѣйшія формы. Она рисуетъ себѣ картину разнообразной природы чертами увеличенными, далекими отъ сходства, и неосторожное сердце иногда предается хитрому обману и мечтаетъ видѣть въ дѣйствительности милый идеалъ свой. Часто какъ будто узнаетъ она въ чертахъ другаго признакъ своей фантазіи; въ восторгѣ радости стремится къ нему съ отверстыми объятіями: но дымъ разлетается въ его объятіяхъ и человѣкъ открывается въ преступной наготѣ своей.

Шиллеръ.

Ревность есть чудовище съ зелеными глазами; она сама ненавидитъ ту пищу, которою пресыщается.

Шекспиръ.

I.

Балъ былъ во всемъ разгарѣ. Съ громкимъ, неистовымъ смѣхомъ толпились и мѣшались группы: ихъ дикій и буйный хохотъ, ихъ громкій, продолжительный крикъ нестройно сливался съ густыми звуками музыки.... и потомъ раздавались подъ сводами рукоплесканія радости, какъ сатанинскій смѣхъ при паденіи новой жертвы.

Стукъ ногъ, бренчаніе шпоръ, топотъ каблуковъ, шелестъ—но слышный, но тяжелый шелестъ женскихъ ногъ по паркету, все это въ рѣзкомъ сліяніи наводило какую-то грусть непонятную, какое-то безуміе обдающее зрителя непостижимымъ холодомъ, сжимающее его сердце ощущеніями странными, непріятными, мрачными и болѣзненными....

Это было въ Большомъ Петровскомъ Театрѣ. Вы вѣрно помните эти маскерады въ послѣдній день шумной масляницы, день вакханалій и безумства, въ продолженіи котораго люди хотятъ до дна выпить фіалъ радости,—шумнаго, неистоваго удовольствія....

Тамъ-то, среди отвратитель-

наго шума этой черни, этой необузданной толпы въ странныхъ личинахъ, неопрятныхъ костюмахъ, тѣснились маски. Изъ ложъ выставлялись смѣющіяся лица красавицъ.... и вкругъ нихъ толпилась молодежъ, съ участіемъ разсматривая эти подвижные и пестрые рои масляничныхъ гулякъ, здѣсь, въ присутствіи другихъ, въ буйной радости, въ позорномъ и неистовомъ пьянствѣ пришедшихъ утопить горе прошедшаго и заботы будущаго. Крикъ, брань, ссоры, смѣхъ, восклицанія; шумные, оглушающіе звуки музыки; любовный шопотъ масокъ, все это составляло что-то удушающее своимъ смрадомъ, своимъ без-

смысленнымъ лепетомъ, своимъ увлекающимъ могуществомъ.

Была половина двѣнадцатаго. Быстро суетились оффиціанты въ кофейной при безпрестанныхъ требованіяхъ; утомленныя ноги замѣтно отказывались служить имъ; ихъ сонныя, болѣзненныя лица, ихъ неохотныя, хотя скорыя движенія — все показывало тяжкую необходимость, проклятіе роду человѣческому. Тускло горѣли свѣчи отъ кипящаго пара народа.... потолокъ чертился длинными струями отъ жаркаго дыханія; дико вращались глаза подъ масками, облитые огнемъ чувственности и отчаянія.... высоко вздымались

бѣлоснѣжныя груди, подъ полупрозрачнымъ флеромъ, жарко кипѣло дыханіе, неистовое сладострастіе обезображивало черты лица.... языкъ едва лепеталъ слова любви, слова предложеній и позора....

Въ это время, среди шума и воплей, среди угрозъ брани и стоновъ, преслѣдуемыхъ.... быстро подкатилась карета подъ высокія колонны подъѣзда. Опѣненные кони фыркали отъ далекаго бѣга.... стукъ огромныхъ колесъ потрясъ высокія стѣны зданія. Страшно застучали подножки кареты, откинуты усатымъ лакѣемъ, эхо отъ ихъ паденія застонало подъ сводами.

Легче мысли, какъ будто преслѣдуемая привидѣніями, выскочила оттуда женская маска. Одно только слово мимоходомъ брызнуло лакею, но онъ, какъ бы вполнѣ понявъ таинственный смыслъ его, отвѣчалъ наклоненіемъ головы. И *она* мчалась въ удушающій смрадъ этотъ, въ этотъ могильный шумъ.... въ этотъ бунтующій хаосъ разврата и позора, лжи, обмановъ и клятвопреступленій....

Ея черные глаза блестятъ изъ глазныхъ впадинъ какъ два факела погребальные въ темную ночь — ихъ выраженіе сомнительно. Врядъ ли кто опредѣлитъ: гнѣвъ ли это, страсть ли, или неистовая жажда

наслажденія, или позорная корысть. . . . Ея черное домино накинуто на одно плечо; бѣлое платье обхватываетъ станъ стройный, гибкій, роскошный. . . . Эта грудь бѣлѣе нагорнаго снѣга высоко вздымается подъ жемчужнымъ ожерельемъ. . . . пухъ лебедя не такъ нѣженъ, не такъ бѣлъ какъ эти округлости, трепещущія отъ ядовитаго волненія, отъ этаго пламеннаго дыханія. . . . отъ этаго нетерпѣнія, сжигающаго внутренность ея, ея чело—что можно видѣть изъ быстрыхъ и неровныхъ движеній, изъ ея то скорой, то медленной походки, изъ огненныхъ взоровъ, подобно молніи пробѣгающихъ по толпѣ, браз-

дящихъ ее въ разныхъ направленіяхъ.... перебѣгающихъ изъ одной группы въ другую, отъ одной маски къ другой, съ улыбкою отвращенія, негодованія, какаго-то омерзѣнія и ужаса.... посмотрите на эти уста, полные нѣги, увлекающіе къ лобзаніямъ, свѣжіе, роскошные какъ дыханіе весны, какъ прелесть едва распускающагося цвѣтка, но уже отравленные измѣненіемъ бурнаго и ядовитаго отчаянія и трепетнаго ожиданія и бунтующей страсти.... посмотрите на эту ножку, прекрасную, стройную едва сжатую башмачкомъ, рисующуюся изъ-подъ короткаго платья, но изобличающую дрожащею поступью

своею все смятеніе, весь восторгъ, все дрожащее нетерпѣніе красавицы.... красавицы, ибо по этимъ ушамъ округленнымъ и нѣжнымъ, по этимъ тесьмамъ волосъ, небрежно раскинутымъ изъ-подъ чернаго чепчика ея — этихъ волосъ возбуждающихъ всю нѣгу сладострастія и любви, съ жаждою прикоснуться устами къ ихъ аромату, упасть, запутаться въ ихъ нѣгѣ упоевающей.... по этому челу, хотя закрытому, но уже приковывающему участіе высокою откровенностію своею, по этому нетерпѣливому взгляду, дрожащему нетерпѣніемъ страсти, огнемъ любви и восторговъ....

Обойти два раза залу, было

для нее дѣломъ одного мгновенія.... трое мужскихъ масокъ вздумали ее преслѣдовать. Они съ маскерадным нахальствомъ подошли къ ней, загородили дорогу и поочередно узнавая въ ней своихъ знакомыхъ, просили, потомъ требовали, наконецъ угрожали сорвать маску съ ея чела....

О! Ежелибъ вы видѣли, какъ загорѣлось око гнѣвомъ; какъ судорожно затряслись уста ея при ихъ предложеніи, при необузданныхъ и угрожающихъ движеніяхъ этихъ юношей.... ежели бъ вы видѣли, съ какимъ достоинствомъ отступила она на три шага назадъ, какъ она обдала ихъ этимъ взоромъ, полнымъ могущества,

упрека, сильнаго, благороднаго, но угрожающаго, но непостижимаго въ своемъ измѣненіи, съ какимъ глубокимъ и полнымъ чувствомъ достоинства и благородной гордости она сказала имъ:

— » Вы ошиблись! « . .

Въ этихъ двухъ словахъ, въ этихъ двухъ измѣненіяхъ голоса пылкаго, страстнаго, но нѣжнаго, но усладительнаго какъ гармонія, какъ звуки флейты, заключалось что-то такое, что заставило отступить юношей.... Со смѣхомъ, которымъ хотѣли они заглушить вопли совѣсти и упрека, помчались они къ легчайшимъ побѣдамъ....

А она?... Она снова пустилась въ нетерпѣливый, дрожащій и быстрый бѣгъ свой, она снова обшарила углы залы пылающими взорами.... тщетно!... Ни на одномъ и ни на одной не остановились глаза ея; они пробѣгали съ участіемъ — но не находили желаннаго.

И долго ходила она прислушиваясь къ голосамъ, иногда краснѣя отъ стыда при словахъ опъяненной и буйной черни, при ихъ отвратительныхъ движеніяхъ; иногда блѣднѣя отъ нескромно устремленныхъ взглядовъ, какъ будто увѣренныхъ въ побѣдѣ.... и она прислушивалась къ этимъ словамъ и звукамъ, и она безчеловѣчно пре-

дала себя на поруганіе взглядамъ, чтобы въ ихъ хаосѣ отыскать одинъ звукъ, заставившій ее позабыть и скромность и приличіе и стыдъ....

Наконецъ въ одномъ углу на сценѣ, прикрытыя декораціею двѣ маски представились глазамъ ея.... судорожная дрожь пробѣжала по членамъ прекрасной, когда она увидѣла близкое разстояніе, въ которомъ онѣ находились. Ужасно перелилась эта дрожь въ мертвую блѣдность, въ изнурительной потъ, пробившійся на остаткѣ непокрытаго чела. Ноги ея дрожали отъ сильнаго волненія.... высоко вздымалась пылающая грудь.... она сдернула съ себя прозрачный флеръ,

который, казалось, давилъ ее душною, непроницаемою пеленою....

Она сѣла позади этихъ двухъ масокъ, слишкомъ занятыхъ разговоромъ, чтобъ замѣтить ея приближеніе....

— » О! Это невозможно, Вальдемаръ, это невозможно!... Едва упросила я тетиньку ѣхать сюда.... сколькихъ просьбъ, сколькихъ слезъ стоитъ мнѣ эта поѣздка ... и теперь она вѣрно ищетъ меня. Мнѣ пора!... Пора!.. повторила она, устремивъ на него пылающій взоръ свой, въ которомъ горѣло все обдуманное кокетство женщины, весь пламень еще дѣвственныхъ желаній, но уже заклейменныхъ

своеволіемъ ничтожества и безчувственности....

— »Полчаса!... только полчаса, не болѣе!« сказала мужская маска умоляющимъ голосомъ, голосомъ распаленной страсти. Ты знаешь любовь мою!... Только одно полчаса позволь мнѣ прижать тебя къ сердцу, бъющемуся одною тобою.... только полчаса позволь насмотрѣться мнѣ небесной лазури очей твоихъ.... этихъ очей, въ которыхъ жажду я прочитать все блаженство взаимности, весь пылъ восторговъ любви«... Онъ говорилъ, а между тѣмъ видно было, что дрожь лихорадки стучала зубами его отъ ожиданія, отъ нетерпѣнія, отъ пылкаго желанія

юноши.... кровь какъ пламя вращалась въ его жилахъ....

И взявъ маску за руку, онъ почти насильно повлекъ ее вонъ изъ залы. Мольбы сопротивленія, но слабыя, но заученыя — все было тщетно!... И когда она уступила наконецъ усиліямъ его, тогда подскочила незнакомка. Она схватила его за руку: ужасно дрожала рука эта пылающимъ огнемъ ревности, зубы стучали во рту, звуки могильные вырывались изъ груди, капли кроваваго пота—капли слезъ ѣдкихъ и ядовитыхъ — падали изъ - подъ маски на ея платье въ безпорядкѣ отъ сильнаго волненія....

— »Вальдемаръ! сказала она послѣ долгихъ усилій голосомъ гнѣва и отчаянія, могильнымъ, страшнымъ голосомъ упрека, обманутаго ожиданія и надежды.... Вспомни клятвы твои!... Вѣроломный!...«

Надобно было видѣть, какъ это одно слово, какъ одинъ голосъ этотъ заставилъ мужчину содрогнуться.... Онъ остановился мгновенно, сжатая рука его дамы внезапно выпала изъ руки его; его взоръ на мгновеніе, но проницательно врѣзался въ незнакомку, но только на одно мгновеніе.... Видно было, что первая мысль, внезапно пробужденная этими звуками, утонула въ невозможности

другой мысли.... онъ снова крѣпко сжалъ руку своей дамы....

— »Кто далъ тебѣ право, маска, напоминать мнѣ о клятвахъ моихъ?... « спросилъ онъ наконецъ съ досадою. — »Неужели всякому я долженъ давать отчетъ въ моихъ поступкахъ?... « сказалъ онъ потомъ, и довольно невѣжливо оттолкнулъ незнакомку, старавшуюся загородить ему дорогу.

— »Не всякому, а тому, кто имѣетъ на это право! «... И, слабыми руками, старалась она удержать его за платье. Вопли, болѣзненные, изможденные срывались съ языка ея.... но онъ сильно рванулся.... сильно толкнулъ ее и скрылся изъ виду.

Тогда бѣдная зарыдала.

— »Несчастная!... Несчастная!... Обманутая!...« говорила она задыхаясь отъ всхлипываній. »Вотъ тѣ обольщенія страсти, вотъ та мечтательная высота, стоя на которой онъ осмѣлился презирать человѣчество!... Люди! люди! ядъ течетъ въ вашемъ дыханіи!... Оно тлетворно, какъ дыханіе василиска!...«

И прижавшись къ стѣнѣ, она плакала тихо, она тихо рыдала, среди буйной и шумной толпы, предающейся упоительному веселію разврата, среди безумнаго хохота и плеска, среди звуковъ музыки, настроивающей къ низкимъ

вожделѣніямъ, наполняющей душу ядовитою отравою пылкой и позорной страсти.

И долго стояла бѣдная!...

Наконецъ она очнулась. Внезапная сила и бодрость пробѣжали по членамъ. Замѣтно было, что наконецъ рѣшительная мысль овладѣла ею.

— » Безумная! « ... сказала она въ полголоса съ дикимъ, удушаемымъ хохотомъ, »и я могу еще плакать о неблагодарномъ, о вѣроломномъ, о клятвопреступникѣ!... Пусть небо поразитъ меня мстящимъ громомъ своимъ ежели я еще повѣрю его ядовитымъ и льстивымъ рѣчамъ, его страстному, его нѣжному, но

коварному взору.... Нѣтъ!... нѣтъ!... вѣчность легла между нами!... Все рушилось!... Нѣтъ никакихъ узъ, нѣтъ ничего общаго.... Я ненавижу его!... Готова разорвать этими руками, задушить устами этими, такъ часто прежде лобзавшими его нѣмымъ и долгимъ лобзаніемъ.... Ха! ха! ха!...« Она смѣялась, судорожно кусая губы, изъ которыхъ выступала розовая кровь, кусала себѣ пальцы и не чувствуя того, шатаясь, не видя ничего окрестъ. — » Я покойна!... шептала она про себя.... Я покойна.... Я не люблю его болѣе!...« И она вышла изъ залы и она умчалась въ богатой каретѣ своей.

*

II.

Благовоспитанная дѣвица не спрашиваетъ у мужчины, которому она нравится, думаетъ ли онъ на ней жениться, ибо она не должна предполагать въ немъ другаго намѣренія. Дѣлающая подобный вопросъ ставитъ себя въ невыгодное положеніе; она какъ будто говоритъ: забуду васъ любить, когда увѣрюсь, что вы на мнѣ не женитесь. Жалкая любовь, которою можно располагать по произволу!

Поль-де-Кокъ.

— »Куда везешь ты меня?...« спросила наконецъ Луиза у Владиміра.

Обнявъ ее со всѣмъ восторгомъ забытія, закутанный въ одну шу-

бу, мчался юноша съ дѣвушкою по опустѣлымъ улицамъ столицы. Рѣзко скрыпѣли полозья саней ихъ.... Свѣтлорогій мѣсяцъ высоко стоялъ на небѣ и бороздилъ длинныя тѣни. Удушливый жаръ палилъ юношу, члены дѣвушки сгарали огнемъ пылающимъ.

— » Ко мнѣ! « сказалъ Владиміръ тихо, прильнувши жаркими устами къ ея устамъ, полнымъ, свѣжимъ, дышущимъ любовью и ароматомъ. »Къ чему вопросъ этотъ, жизнь моя? «... спросилъ онъ потомъ голосомъ упрека. » Или ты сомнѣваешься еще въ своемъ Вольдемарѣ?... Или онъ не любитъ тебя со всею пылкостію страсти нѣжной, упоевающей? « ...

Уста ихъ слились вновь.... и голосъ дѣвушки умолкъ. Серебряные лучи смотрѣлись въ глазахъ ея, закатившихся внезапно отъ трепетнаго волненія, отъ чувства ей прежде непонятнаго. Ея силы угасли въ членахъ, ея уста смолкли, ея открытыя очи горѣли влагою.... судорожная дрожь прекратилась мгновенно; это было какое-то близкое сходство.... какое-то мечтательное исполненіе восторговъ, посѣщающихъ въ воображеніи душу дѣвушки, въ мучительную ночь безсонницы.

Это состояніе, эта минута паденія увлекла Луизу своею чарующею нѣгою, своею новизною,

своею прелестію, непостижимою ей прежде.... Она позабыла о томъ, что на этой поѣздкѣ, которою думала приковать къ себѣ Владиміра безвозвратною, могущественною цѣпью любви, она основывала блистательныя свои надежды.... Богачь Владиміръ въ ея расчетахъ былъ выгоднымъ женихомъ, надобно привлечь его!... И притворная страсть, и всѣ обольщенія искусства истощены были дѣвушкою; но узелъ не затягивался столько, сколько того желала неопытная.... И вотъ средство: на палящей, бѣшеной страсти юноши основать свое владычество. Вы видѣли, какъ сама разрушила она свои блистательныя надежды;

какъ она, мнившая подчинить его своему могуществу, сдѣлалась теперь рабою желаній, рабою прихотей юноши, рабою побужденій природы....

Извощикъ былъ уже предувѣдомленъ. Хитрость преодолѣла хитрость.

Вы вѣрно знаете укромную обитель, гдѣ люди хоронятъ свои желанія, гдѣ они удовлетворяютъ своимъ прихотямъ. Тамъ, въ этомъ минутномъ жилищѣ нѣги, едва озаренномъ тусклымъ свѣтомъ, прижалъ Владиміръ пылающую Луизу къ сильно біющемуся сердцу.

— »Гдѣ мы?...« вновь спросила его Луиза смутно оглядываясь.

Но кругомъ ея росли сумерки.... голосъ разума умолкалъ.... Одно трепетное желаніе томило ее своею бунтующею мукою. Все это, что прежде такъ часто отравляло непонятною тоскою ея лучшія мечты, ея лучшія желанія, теперь съ новою, неотразимою силою возобновилось въ ея душѣ, въ ея тѣлѣ, въ пылающихъ объятіяхъ юноши. Она сидѣла подлѣ, безъ мыслей, безъ желаній, безъ разговора, въ мертвомъ, неподвижномъ забытіи, прижавшись сильно біющимся сердцемъ къ его трепетной груди, обвитая его объятіями, подъ нѣгою страстныхъ поцѣлуевъ.

Среди этихъ восторженныхъ минутъ забытія, среди этихъ мгно-

веній полныхъ и увлекающихъ ее своимъ могуществомъ, на минуту представились ей и горечь послѣдствій, и весь мракъ грядущаго, и болѣзненность нареканія....

— »Послушай! « сказала она ему тихо.... »Что хочешь дѣлать ты со мною?...

Онъ взглянулъ на нее съ упрекомъ долгимъ, продолжительнымъ, страстнымъ....

— »Вѣрю любви твоей,« продолжала она краснѣя; »но ты знаешь послѣдствія.... «

Могла ли сказать это дѣвушка полная любви, вполнѣ преданная страстнымъ лобзаніямъ, на порогѣ преступленія?... Могла ли сказать

это невинность, не желающая вѣрить въ порокъ, какъ развѣ только по совершеніи онаго?... Тутъ было кокетство со всею обдуманностію, но увлеченное голосомъ природы!...

— »Клянусь!... « сказалъ Владиміръ съ живостію; »клянусь этою рукою вознаградить утрату.... Но.... Луиза!... огонь палитъ мою внутренность.... Любовь моя!... мое счастіе! «.... Онъ крѣпко сжалъ дѣвушку въ этихъ объятіяхъ сжигающихъ, тѣсныхъ, страстныхъ—подъ этими поцѣлуями, гдѣ все бѣшенство юношескаго пыла перелилось судорожно въ ея грудь, во все существо ея, обхвативъ ее бунтующею нѣгою своею....

Она затрепетала мгновенно, предавшись вполнѣ его лобзаніямъ....

Свершилось!... свершилось!... она пала наконецъ.... несчастная жертва своей необдуманности, своего непомѣрнаго честолюбія и расчетовъ....

Отпряхая съ глазъ палящую нѣгу, сидѣла Луиза на колѣняхъ Владиміра, играя его волосами, лобзая его въ уста и въ очи, напоминая ему объ его обѣщаніи, объ его клятвѣ; развертывая по немногу честолюбивые замыслы свои, разсуждая объ этомъ какъ о случаѣ, уже близкомъ къ исполненію....

— » Возможно ли это?...« ска-

залъ Владиміръ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, голосомъ удовлетвореннаго желанія; этимъ голосомъ,—равнодушіе котораго мгновенно сбросило дѣвушку съ мечтательной высоты ея....

— » Возможно ли?... Ты ли сказалъ это?... Но это должно быть непремѣнно!... И здѣсь, на мѣстѣ преступленія, на мѣстѣ твоего злодѣянія, ты спрашиваешь еще о возможности?... Ты связалъ себя имъ безвозвратно!... Не будешь ли ты клятвопреступникомъ?... Ты лишилъ дѣвушку всего.... всего... лучшаго ея блага—спокойствія совѣсти!... О нѣтъ!... Ты мой!... Я вырву тебя у жизни —

но пойду съ тобою къ алтарю!... «

Владиміръ слушалъ эти слова безмолвно, небрежно, съ какою-то равнодушной безпечностію смотря ей въ глаза, пылающіе бѣшенствомъ, страстію и гнѣвомъ....

Этотъ взглядъ довершилъ ярость дѣвушки.... Она бросилась ему на грудь, вновь цѣловала его со всею пламенностію страсти, желая вновь разбудить въ немъ огонь желаній.... Ея каштановые волосы чертили его чело всею нѣгою своею.... ея ланиты пылали всѣмъ румянцемъ восторга, ея очи блестѣли непостижимымъ огнемъ могущества.... уста ея, смятыя

лобзаніями, жаркія, благоухающія, приковывались попеременно то къ холоднымъ его устамъ, то къ тусклымъ очамъ его, то къ его блѣднымъ ланитамъ; дыханіе ея было жарче огня тропиковъ, высоко вздымалась грудь, подъ огнемъ негодованія, ярости, обманутаго ожиданія....

Владиміръ не отвѣчалъ ей участіемъ на ея ласки.

О! тогда она сбросила съ себя маску любви. Какъ львица обняла она его въ своихъ ожесточенныхъ объятіяхъ, желая задушить клятвопреступника; она впилась въ его чело, желая изодрать его руками безсильнаго бѣшенства.... она рвала его платье, глаза ея потух-

ли подъ всѣмъ палящимъ огнемъ ярости.... въ безсильномъ бѣшенствѣ сорвала она наконецъ медальонъ съ груди Владиміра....

— »Вотъ!... вотъ она!...« кричала она въ изнеможеніи.... »Вотъ та, которая стала между мною и тобою!... О! я буду умѣть отравить минуты ея счастія!... Этими руками оторву я тебя, злодѣй, изъ ея объятій.... я вырву твою руку изъ руки ея предъ алтаремъ Всевышняго!... Я сдвину горы, ниспровергну всю природу, но я найду тебя; въ дребезги разобью твои восторги, всѣ надежды твои; уничтожу, въ грязь стопчу дѣтей твоихъ!... Нѣтъ!... нѣтъ! ты будешь мо-

имъ!... Это невозможно, невозможно!...«

Она плакала, рыдала, рвала на себѣ волосы, стала на колѣни, лобызала его руки, припадала къ ногамъ его....

— »Безчувственный!... Клятвопреступникъ!... Демонъ!...« кричала она попеременно, дрожа всѣмъ тѣломъ.... »Вспомни, что небесные громы разразятъ клятвопреступную главу твою.... вспомни....

— »Луиза!...« сказалъ наконецъ Владиміръ голосомъ твердымъ, »къ чему эти слезы и вопли?... Воротить прошедшаго невозможно!... Не ужели мы думаешь, что рыданія твои помогутъ въ томъ,

чего желалъ бы я самъ, но въ чемъ совершенно неволенъ.... Подумай, что рука моя зависитъ отъ воли родителей, что она уже принадлежитъ другой!...«

Тогда несчастная не могла вынести болѣе.... Она бросилась было къ Владиміру, чтобъ задушить его, чтобъ растерзать его своими руками, высосать изъ него жизнь вмѣстѣ съ кровію, усладить ревность свою, свою страсть послѣднимъ его дыханіемъ, его судорожнымъ, предсмертнымъ движеніемъ; но подавленная, измученная, истерзанная, упала на полъ.... Медальонъ замеръ въ рукахъ ея, такъ что никакія усилія Владиміра не мог-

ли освободить его изъ ея помертвѣлыхъ рукъ.

Владиміръ испугался ея обморока, ибо видѣлъ, что тутъ только впервые отчаяніе Луизы было непритворно. Долго обливалъ онъ ее водою, пока не привелъ наконецъ въ чувство.

Когда она опамятовалась, то снова хотѣла возобновить прошедшую сцену, но Владиміръ рѣшительно объявилъ ей, что комедія окончилась. Тогда она, какъ безумная, съ клятвою мщенія, съ необузданною яростію, выскочила изъ комнаты, бросилась въ сани и понеслась по пустыннымъ улицамъ Москвы бѣлокаменной.

Заглянитте въ глубину сердца дѣвушки, когда страсти изроютъ его бунтующимъ ядомъ своимъ; разберитте эту отраву чувствъ, эту жажду мщенія, это пламя любви, сливающіяся вмѣстѣ въ одно чувство грусти, тоски, отчаянія, муки, мщенія и пылкой, безграничной страсти....

Видали ли вы море въ минуты ярой бури, подъ гуломъ мятежнаго грома, подъ палящимъ огнемъ перуновъ?... Валы его дробятся о твердыни другихъ валовъ; его всплески бурные, мятежные, пѣнятся и тѣснятся, какъ будто имъ тѣсно въ исполинскомъ ложѣ своемъ.... Бурно, какъ вдохновеніе, кипятъ онѣ

ярымъ ожесточеніемъ, какимъ-то дивнымъ и увлекающимъ могуществомъ.... онѣ хлещутъ о гранитъ береговъ, онѣ рушатъ на пути своемъ преграды, сдвигаютъ твердыни, цѣлыя громады горъ, губятъ, истребляютъ все земное.... Вотъ душа дѣвушки въ минуты страсти и изступленія бѣшенства.... И тѣмъ сильнѣе мятежные порывы эти, эти буйные ураганы, эти неукротимые, крутящіеся вихри страстей, чѣмъ болѣе были заключены они въ одиночествѣ одного сердца, не смѣя вылиться въ другую душу; ни однимъ звукомъ не смѣя измѣнить тому, что люди, въ холодной безчувственности, при мертвящихъ ра-

счетахъ эгоизма, назвали приличіями и необходимыми отношеніями свѣта....

И все это перечувствовала она, бѣдная, несчастная Софья!...

Вышедъ изъ кареты, еще далеко отъ дому, она отослала ее, ибо карета эта принадлежала одной изъ ея пріятельницъ.

Тускло горѣла лампада, когда она дрожащая, блѣдная, измученная душевными терзаніями вошла въ свою комнату. Ея собачка бросилась къ ней на встрѣчу, привѣтствуя своею ласкою, своимъ радостнымъ лаемъ; но впервые сильный ударъ ногою заставилъ ее удалиться на маленькое свое ложе.... Горничная дѣвушка, Маша, строй-

ная, черноокая субретка, испугалась состоянія барышни.

— »Вы такъ блѣдны?...« сказала она въ полголоса.

Софья молчала.

— »Не прикажете ли подать вамъ чего?...« спросила она заботливо.

Отрицательный знакъ головою и повелительное движеніе руки, заставило Машу удалиться.

Когда Софья осталась одна, когда платье не сжимало болѣе ея членовъ, когда она могла вполнѣ предаться всему терзанію душевной муки, она бросилась на колѣни предъ Иконою.... она плакала громко.... рыдала.... хотѣ-

ла молишься.... но молитвы ея раздавались одними проклятіями.... одними горькими слезами.... одними безотрадными стенаніями....

Но скоро и эти слезы изсякли, но скоро и рыданія эти, и эти вопли смолкли въ истомленной груди ея.... она закалилась въ терзаніе....

— »Любить!...« сказала она тихо, печально, сѣвши въ длинныхъ креслахъ, скрестивши на груди руки. Ея покровъ спустился съ бѣлоснѣжнаго плеча; ея волосы покоились на мраморной округлости груди, вздымающейся подъ жаркимъ и неровнымъ дыханіемъ; ея тусклыя очи смотрѣли не видѣвши.... всѣ роскошныя формы

дѣвушки сжались въ одно нестройное цѣлое. Никто не узналъ бы Софьи въ эту минуту: это было мраморное изваяніе, лишенное всей прелести жизни, всей чарующей нѣги, всей граціи движеній стройныхъ, прекрасныхъ и увлекающихъ. . . .

— » Любить! « . . . повторила она громче. Въ этомъ словѣ слито было все обманутое ожиданіе, все разочарованіе жизнію, мечтательные восторги которой, не ясными, но дивными, но прекрасными идеалами блаженства толпились и рисовались въ ея воображеніи, въ умѣ ея. . . . » И быть обмануту! « . . . прибавила она потомъ. » Въ этой любви сосредоточить всю мысль,

всю жизнь свою.... быть такъ близку къ исполненію лучшихъ надеждъ, лучшихъ желаній своихъ и у конца этой цѣли видѣть, какъ дымъ разлетающимися созданія, эти чарующія созданія души, живыя, полныя, прекрасныя!... Жизнь!... Любовь!... Любовь!... зачѣмъ обольщали вы меня?... Зачѣмъ разцвѣла моя душа подъ вліяніемъ чарующей нѣги вашей?... Зачѣмъ могущественный зовъ льстилъ сердцу, своею полною, своею недостигаемою прелестію?... Или за тѣмъ, чтобы съ мечтательной, недоступной высоты, свергнуть ее въ пропасть убожества, нищеты и отчаянія.... въ пропасть, въ вѣчную ночь, безъ

пробужденія, безъ разсвѣта, безъ завтра, въ вѣчный, могильный мракъ одного горестнаго, одного мучительнаго настоящаго!... «

Она умолкла бѣдная, ибо глаза ея снова налились слезами, слезами горькими безнадежной скорби!...

Вставъ съ своего мѣста, невѣрною походкой укрылась она на роскошное свое ложе, подъ прозрачной флеръ занавѣса; но ея рыданія, ея вопли раздавались оттуда долго.... долго.... Она заснула наконецъ, но дѣвственные сны дѣвушки, ея грѣзы, были еще мучительнѣе ужаснаго настоящаго!...

III.

Au fond de ses chagrins les plus amers, l'amour cache une joie.

Dumas.

Что такое женщина? скажите мнѣ.

Не любовь ли это, чистая, неизмѣнная, вѣчная, лучь неизмѣннаго свѣта, составляющаго причину и гармонію вселенной?...

Не есть ли она гармонія, неуловимая для звуковъ, неулегающаяся въ формахъ, но только могущая проявиться въ превосходной страницѣ творенія, лучшаго созданія силы творящей, въ которомъ само небо смотрится какъ въ зеркалѣ.

Не сама ли это страсть, съ ея шквалами и бурями, съ ея лазурною поверхностію, съ ея блаженствомъ, съ ея отчаяніемъ, съ ея небесною отрадою?...

Не есть ли это ручей, въ которомъ отражаются небо и природа; ручей чистый, когда онъ невозмущенъ тѣмъ, что составляетъ дѣйствительную жизнь дѣвушки, но неукротимый и неистовый, когда закипитъ родникъ въ прежде невозмущаемыхъ его нѣдрахъ, и тогда онъ сдвигаетъ горы, не знаетъ препятствій!...

Да! душа женщины есть одинъ звукъ, прекрасный какъ небо его отчизны, но еще не полный; это

настроенный органъ, готовый къ принятію созвучій упоевающихъ и чарующихъ, но еще не издающій оныхъ до тѣхъ поръ, пока другой звукъ, столь же полный въ своемъ происхожденіи, не коснется созвучіями безмолвныхъ струнъ его. И тогда проснутся пѣснопѣніемъ божественныя струны эти; громко раздадутся чарующія его пѣсни, оглашая блаженствомъ пустыню жизни, слившись въ одинъ дивный и стройный аккордъ, гармонія котораго несется въ небесную отчизну свою, какъ фиміамъ жертвоприношеній....

И когда душа, когда сердце дѣвушки однажды отозвалось на этотъ знакомый голосъ сердца, онъ жи-

вешъ его жизнію, чрезъ необъятность творенія оно стремится къ нему.... Тщетно возстаетъ иногда разумъ противъ стремленія этаго: воображеніе уноситъ ее въ лучшій міръ, въ прекрасное будущее, и женщина любитъ всею способностію души своей, хотя уста нѣсколько мгновеній назадъ проклинали возлюбленнаго....

Такъ, въ первыя минуты ревности, при первыхъ порывахъ этаго жгучаго огня страстей, Софья проклинала Владиміра.... Но когда послѣ, столь же внимательный, какъ и прежде, столь же любящій, упалъ онъ къ ногамъ ея, бѣдняжка повѣрила восхитительнымъ звукамъ

голоса юноши, она повѣрила льстивымъ его рѣчамъ, внимая скорѣе собственному, неумолкаемому голосу сердца, громко и внятно вѣщающему, что обвиненіе ея несправедливо.... Короче, Владиміръ увѣрилъ ее, что онъ даже не былъ въ маскерадѣ, что она ошиблась, принявъ за него кого нибудь другаго.... Софья ему повѣрила: онъ говорилъ съ такимъ чистосердечіемъ, онъ такъ прямо, онъ такъ покойно, съ такою улыбкою смотрѣлъ ей въ очи; а могъ ли онъ сдѣлать все это, ежелибъ онъ былъ виновенъ?... Она не знала, что мужчина носитъ сѣмена порока въ душѣ своей и подчиняетъ ихъ по собственной волѣ своему

могуществу!... Быстро дѣлались приготовленія къ свадьбѣ....

Однажды, обрученные, сидѣли они въ ея комнатѣ. Глаза Владиміра высказывали дѣвушкѣ всю страсть; уста его, уже неоднократно горѣвшія пламенемъ лобзаній, молчали; ибо слова были для нихъ тогда одними пустыми, ничтожными звуками. Души ихъ сливались въ морѣ гармоніи, какъ двѣ волны океана, притекшія съ сѣвера и полудня, сливаются въ безграничности водъ, обтекающихъ созданіе; ихъ взоры тонули въ небѣ очей другаго, проникая одни другія всею прелестію дивныхъ восторговъ, всею нѣгою желаній удовлетворенныхъ взаимностію;

ихъ руки были крѣпко сжаты, какъ мысль о безсмертіи, о вѣчности....

Торжественная тишина царствовала окрестъ, ни малѣйшій шорохъ не будилъ могильной тишины этой. Было шесть часовъ по полудни.

Внезапно вбѣжала Маша.

— » Софья Алексѣевна! « сказала она; » какая-то женщина желаетъ васъ видѣть. Я спрашивала у ней о причинѣ, но она говоритъ, что вамъ только однѣмъ можетъ открыть эту тайну. «

— » Тайну!... « сказала удивленная Софья и вопрошающій взоръ ея невольно обратился на Владиміра. Не ожидая ничего для себя

горестнаго, онъ былъ спокоенъ какъ пустыня, не оживленная ни бурею, ни ураганомъ.

— » Тайну!... « повторила про себя Софья. »Какая бы могла быть эта тайна?... Впустите ее!...« сказала она наконецъ послѣ минутнаго размышленія, а между тѣмъ дала знакъ рукою Владиміру. Тихо всталъ сей послѣдній съ своего мѣста, съ улыбкою страсти послалъ ей рукою безмолвный поцѣлуй, и вышелъ.

Прошло четверть часа, его не зовутъ еще. Другія четверть часа канули во мглу вѣчности, а онъ все еще сидитъ одинъ.

Нетерпѣніе овладѣло юношею.

Онъ всталъ, долго, долго ходилъ

взадъ и впередъ, прислушиваясь къ разговору сосѣдней комнаты: тамъ было тихо какъ въ могилѣ....

Терпѣніе его истощилось.

Наконецъ семь часовъ пробило на стѣнныхъ часахъ и длинный, унылый гулъ маятника раздался по высокимъ комнатамъ, какъ что-то погребальное. . . . какъ стонъ покинутой горлицы, какъ вопль оставленнаго младенца. . . .

Онъ содрогнулся невольно. Въ звукахъ этаго послѣдняго удара заключалось что-то страшное, что-то предвѣщающее!...

Еще разъ подошелъ онъ къ двери, слушалъ краснѣя и стыдясь самого себя — мертвое молчаніе!...

Онъ подождалъ еще нѣсколько минутъ.... Наконецъ рука его упала на замокъ.... за́мокъ щелкнулъ и дверь тихо отворилась.

При тускломъ свѣтѣ лампады, лучи которой лилися прямо на чело Софьи, сидѣла она на диванѣ блѣдная, изнеможденная, съ глазами опухшими отъ слезъ.... ланиты ея еще горѣли влагою слезъ этихъ.... этихъ слезъ, горькихъ, какъ было замѣтно....

При входѣ возлюбленнаго, она даже не поворотила головы, даже ни одного взгляда не примчалось ему на встрѣчу....

Сердце юноши сжалось тоскою непонятною.

— » Софья! « сказалъ онъ тихо, подошедъ къ дѣвушкѣ и взявъ ее за руку; но эта рука была холодна какъ мраморъ. » Что съ тобою? . . . « спросилъ онъ потомъ съ участіемъ, наклонившись, чтобъ разсмотрѣть чело ея. . . .

Она отворотилась безмолвно; тихія рыданія раздались изъ ея груди. . . .

Софья! . . . « вскричалъ юноша такъ громко, что собачка ея вскочила съ визгомъ съ своего мѣста. . . . » говори. . . . говори скорѣе! . . . что сдѣлалось съ тобою? . . . Гдѣ та дерзская, осмѣлившаяся нарушить твое спокойствіе? . . . Я растопчу эту негодную тварь! . . . « И губы его тряслись отъ ярости.

Софья взглянула на него съ горькою усмѣшкою.

Ничего не понимая, стоялъ онъ вперивъ въ дѣвушку неподвижные взоры....

Молча, съ выраженіемъ ужасной грусти и отчаянія, подала ему Софья записку.

Онъ принялъ ее судорожно: зловѣщее предчувствіе терзало его душу.... онъ взглянулъ.... рука эта знакома ему: онъ такъ часто получалъ письма этой руки. Свершилось!... Погибло безвозвратно!... Подпись: *Луиза!*...

Свѣтъ потемнѣлъ въ его глазахъ, ноги его и все тѣло дро-

жали какъ въ лихорадкѣ, сердце замирало, голова горѣла....

— » Мой медальонъ!... « сказала наконецъ тихо Софья, какимъ-то удушливымъ, ужасающимъ голосомъ....

Онъ стоялъ какъ будто пригвожденный къ своему мѣсту.... и ни одного движенія.... ни одного слова....

— » Медальонъ!...« повторила она громче съ замѣтнымъ напряженіемъ, и всѣ члены ея дергались неестественнымъ движеніемъ. »Правда ли?... Одно только слово.... скорѣй! . . . скорѣй! . . . « И она тряслась всѣмъ тѣломъ, и грудь ея билась волненіемъ, отчаяніемъ, тоскою;

глаза ея горѣли огнемъ непостижимымъ.

— » Правда!... « сказалъ онъ наконецъ тихо, болѣзненно. Видно было, что это слово вырвалось изъ его груди, какъ будто послѣдній вздохъ умирающаго.

Тогда Софья вскочила стремительно; лице ея, блѣдное, мертвое, умоляющее, покрылось багровыми пятнами.... Она бросилась на колѣни передъ Иконою, прекрасные волосы ея струею падали по плечамъ, уста ея искривились на сторону, верхняя губа вздернулась, посинѣлая....

» Боже! Боже Всемогущій!... « воскликнула она, сложивъ руки съ умоляющимъ видомъ, съ бродящи-

ми, мутными очами. . . . » Ты видишь мою душу! . . . Ты видишь какъ любила я его! . . . какъ презираю теперь! . . . Дай силъ мнѣ, праведный, переносить тягостное бремя разлуки, ибо это должно быть непремѣнно! . . . Я не могу, я не хочу видѣть его болѣе! . . . Я не должна. . . . да, не должна его видѣть, хотя бы и хотѣла и могла! . . . «

Видно было, что молитва замирала на ея устахъ, ибо отчаяніе и тоска изсосали всякое чувство умиленія и молитвы. . . . Тихо встала она, подошла къ Владиміру, взяла его за руку; долго, долго и пристально смотрѣла

ему въ лице; поцѣловала его наконецъ.... но уста эти показались ему холодными, безжизненными какъ у мертвеца.... и тихо, медленно, безмолвно показала ему рукою двери....

Владиміръ бросился передъ нею на колѣни, цѣловалъ ея руки, умоляя о прощеніи.... Закрывъ глаза руками, безъ слезъ рыдая, она не могла отвѣчать ему отъ сильнаго и трепетнаго волненія.... Наконецъ не возмогши преодолѣть себя, она судорожно бросилась въ его объятія, впилась въ его уста, какъ бы желая высосать кровь его вмѣстѣ съ жизнію.... и потомъ, ослабѣвшая, обезсиленная томленіемъ и мукою, упала

въ кресла. . . . безъ жизни. . . . безъ движенія. . . .

Опамятовавшись чрезъ нѣсколько мгновеній, сказала Владиміру:

— » Удались!... Между нами нѣтъ теперь ничего общаго!... Все кончилось! . . . «

Въ этихъ звукахъ и словахъ было столько рѣшительнаго, столько неизмѣнной воли, что Владиміръ понялъ невозможность примиренія. . . . Онъ выбѣжалъ стремительно изъ комнаты, изъ дому.... голова его горѣла.... глаза застилались чѣмъ-то тусклымъ и безжизненнымъ. Какъ безумной бѣжалъ онъ по улицѣ до тѣхъ поръ, пока, измученный, изтерзанный, въ кровавомъ поту прибѣжалъ онъ

домой. . . . Платье его было въ безпорядкѣ, волосы растрепаны.

Когда прошла первая минута отчаянія, ужасно заговорило бѣшеное чувство мести. . . . Онъ наконецъ рѣшился. . . .

Было около девяти часовъ вечера, когда подъѣхалъ онъ къ дому Луизы. Окна блестѣли огнями, тѣни блестѣли въ окнахъ, звуки музыки раздавались оттуда. . . . Луиза праздновала день своего рожденія. Толпа слугъ встрѣтила Владиміра въ передней.

Какъ давнишній и короткой знакомой вошелъ онъ въ залу безъ доклада. Лица гостей горѣли радостію и удовольствіемъ. . . . Луиза порхала какъ птичка между

роями мущинъ, смѣялась одному, взглядывала умильно на другаго, тихо жала руку третьему.... Блестящій кругъ юношей тѣснился около очаровательницы.... Она была прекрасна тогда, какъ поцѣлуй любви, какъ Венера на Олимпѣ, вышедшая внезапно по могучему глаголу громовержца изъ пѣны бунтующаго моря.... Женщины и дѣвушки кусали съ досады губы, видя ея владычество и красоту.... Вполнѣ царица праздника, она, казалось, разливала повсюду жизнь и радость.

Въ рѣзкой противоположности съ веселыми и смѣющимися лицами было истомленное, посинѣлое лице Владиміра. Онъ подошелъ

къ новорожденной съ обычнымъ привѣтствіемъ и шопотомъ сказалъ: что имѣетъ поговорить съ нею на единѣ.

Ежелибъ вы видѣли, какою внезапною блѣдностію покрылось это чело, за минуту до того блестящее радостію; ежелибъ вы видѣли, какъ мгновенно помутились и потухли эти глаза, съ блескомъ и игрою которыхъ ничто не могло сравниться!...

— »Къ чему эти тайны?« сказала она принужденно, силясь улыбнуться, но улыбка эта, разцвѣтшая на серединѣ губъ, замерла не дошедши до конца ихъ, превратившись во что-то могильное....

— » Луиза! . . . Я этого требую! « грозно примолвилъ Владиміръ.... Дико блестѣли его глаза въ эту минуту, какъ раскаленные уголья, пѣна бѣшенства клубилась на его дрожащихъ устахъ. . . .

Она хотѣла прекословить еще, но онъ поспѣшно прибавилъ.

— » Сударыня ! вы знаете , что вы въ моей власти!... Со мною теперь, эти доказательства вашего позора! . . . Не ужли вы думаете, что я не буду имѣть столько смѣлости, чтобъ сдѣлать гласными ихъ.... эти строки.... эти письма наконецъ. . . .

Тогда дѣвушка поняла, что противиться болѣе не возможно. Она

вышла склонивъ печально голову. Владиміръ послѣдовалъ за нею.

Въ ея спальной, затворивъ тщательно двери, остались они вдвоемъ.

Долго стояли они другъ противъ друга, какъ бы пріискивая словъ, чѣмъ начать разговоръ.

Наконецъ Луиза вознамѣрилась прервать молчаніе. По ея высоковздымающей ея груди видно было, что она хотѣла упрекать юношу за прошедшее.

— » Тсъ!... замолчи!... « закричалъ онъ ужаснымъ голосомъ. » Фурія!... воплощенный, демонъ! кто писалъ это письмо?... « прибавилъ онъ потомъ дрожащею отъ ярости рукою по-

казывая записку, писанную къ Софьѣ.

Бѣдная дѣвушка молчала.

— » Кто писалъ это письмо? « ... закричалъ онъ еще громче.... и его руки, и его ноги, и все тѣло его затряслось отъ безумія, отъ жажды мести.

Луиза испугалась. » Я!... Я!... « сказала она умоляющимъ голосомъ.

— » Вы!... довольно!... Да!... вы хотѣли разорвать союзъ душъ; вы хотѣли нарушить миръ двухъ существъ, счастливыхъ своею любовью.... Вы хотѣли.... о! я знаю, чего хотѣли вы?... Безумная! злобная фурія!... или ты

не видала, что я презираю тебя, недостойная тварь; что ты была только орудіемъ моихъ прихотей.... Мщеніе!... кровавое мщеніе осталось мнѣ теперь!... Обезчещенный.... отринутый.... я найду — о! я найду ядъ, которымъ истерзаю твою душу.... которымъ изрою чело твое морщинами отчаянія!... Вотъ они.... письма твои.... я покажу ихъ твоимъ родителямъ; я покажу ихъ гостямъ твоимъ, между которыми ты владычествуешь, этимъ гостямъ, насыщающимся остатками чужаго обѣда.... Ха! ха! ха! Да! я покажу ихъ всему свѣту, для твоего позора. Имя твое — я покрою его пятномъ неизгладимо-

мымъ преступленія; я обовью тебя стыдомъ и срамомъ.... я заставлю презирать тебя, отвергнуть, ненавидѣть.... Я заставлю презирать тебя самую себя. « . . .

Тогда бѣдняжка почувствовала, какъ опасно было положеніе ея. Она бросилась передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки, умоляла его съ адскими слезами возвратить ей эти письма.... Въ отвѣтъ онъ хохоталъ яростно.... онъ наслаждался ея мученіями, ея слезами, ея отчаяніемъ....

Ежелибъ кто видѣлъ эту Луизу, за часъ до того, прекрасную, свѣтлую, радостную какъ утро Мая; эту Луизу очаровательницу, разливающую окрестъ себя блажен-

ство и счастіе; эту Луизу, теперь блѣдную, изможденную, поверженную во прахѣ передъ юношею, со слезами умоляющую его!...

— » Есть способъ!... есть!... « закричалъ онъ наконецъ задыхаясь отъ бѣшенаго, безумнаго смѣха. » Вспомни послѣднюю минуту нашего разставанья! «...

Луиза содрогнулась невольно; ибо поняла таинственный смыслъ жестокихъ словъ этихъ; какъ ни блѣдна была она, однако могла еще поблѣднѣть.

— » Безчеловѣчный! « закричала она голосомъ, задушаемымъ рыданіями; » развѣ мало тебѣ страданій дѣвушки, что хочешь еще

ругаться надъ нею?... Кляпвопреступникъ!... Вспомни Бога мстителя!... Вспомни кару десницы Его!... Что хочешь еще предпринять ты?«... Она ползала передъ нимъ на колѣняхъ, а онъ, равнодушный зритель ея униженія и воплей, лишь усмѣхался ея терзаніямъ.

— »Одно условіе!«... повторялъ онъ. »Воля моя неизмѣнна!«... Онъ съ улыбкою слушалъ укоризны ея, ея ругательства, не внимая имъ.

Тогда бѣдняжка вскочила; глаза ея горѣли отчаяніемъ и бѣшенствомъ.... Стремительно выбѣжала она изъ комнаты.

Владиміръ остался одинъ, твердо увѣренный въ успѣхѣ.

Не прошло получаса, какъ она пришла опять; опять просила.... опять умоляла — тщетно!...

— »Я твоя!...« сказала она наконецъ ему тихо, вдыхая въ себя воздухъ, какъ будто бы вся внутренность ея горѣла огнемъ и пламенемъ.

Владиміръ схватилъ ее какъ коршунъ, терзающій свою беззащитную жертву. Онъ лобзалъ ее, безучастную къ его адскимъ ласкамъ.... Лобзанія эти раздирали ей грудь какъ острый клёвъ орла, пожирающаго добычу; какъ желѣзныя его когти, терзающія, точащія кровь и убійство.

Измученная, опозоренная, шата-

ясь отъ слабости, гнѣва и отчаянія, освободилась она наконецъ изъ этихъ холодныхъ объятій, гдѣ нашла одну закоренѣлую жажду мести.

Тогда онъ подалъ ей одно письмо.... Она взглянула на него вопросительно.... она дожидалась другихъ.

Прехладнокровно положилъ онъ остальныя въ карманъ.

— » Что это?... « закричала несчастная болѣзненно, мучительно, раздирающимъ голосомъ.

— » До завтра!... « отвѣчалъ онъ равнодушно. О! Боже мой! каково было положеніе несчастной!... Каково было ей видѣть

эту связку бумагъ, изъ которой всякая была громкимъ свидѣтелемъ ея преступленія, ея позора и срама, свидѣтелемъ ругательствъ, которыя должна она искупить собою. . . .

И онъ вышелъ.—»До завтра!« . . . сказалъ онъ ей при раставаніи.

Съ стиснутыми зубами, съ скрещенными руками на груди, неподвижная, синяя, какъ трупъ утопшаго, лежала Луиза въ обморокѣ, когда прибѣжали нѣкоторыя изъ ея подругъ, обезпокоенныя ея долгимъ отсутствіемъ.

Бѣдняжка, какъ говорятъ, не перенесла муки состоянія своего, и доведенная до послѣдней крайности

клятвопреступникомъ и вѣроломцемъ, жестокимъ Владиміромъ, она сама наложила на себя руки.

— » Чорту баранъ! « ... прохрипѣлъ Владиміръ, услышавъ вѣсть эту; ибо въ это время, предавшись всему пьянству и разврату, онъ почти безъ чувствъ лежалъ гдѣ-то у кабака, разбитый, опухшій отъ вина, въ лохмотьяхъ, окруженный толпою презрѣнныхъ бродягъ....

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3361
.S334
P68
1834